

МИХАИЛ АХМАНОВ

ЗАКЛИНАТЕЛЬ
ДЖИННОВ

Annotation

Действие нового романа Михаила Ахманова разворачивается не в далеком будущем, не в просторах космоса и не в иных мирах, а в Петербурге, почти в наши дни – может быть, в 2007 или 2008 году. Это повествование о человеке, который волею случая обрел невероятное могущество, – такое, каким не обладали ни великие завоеватели древних времен, ни современные вожди и лидеры. И, получив эту власть, герой романа задумался над тем, что же с ней делать – то ли отомстить за всех обиженных и униженных, то ли благодетельствовать достойных, то ли установить на Земле справедливость и вечный мир...

Михаил Ахманов

Заклинатель джинов

*Автор предупреждает, что хотя этот роман –
фантастический, но половина описанного в нем – святая правда.
Какая половина – вот в чем вопрос!*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Роман, предложенный вниманию читателей, не завершает мою дилогию «Тень Ветра», «Тень Земли», которая вышла в 1998—1999 годах. Этот роман отдельное, вполне самостоятельное произведение, связанное с упомянутой выше дилогией лишь именем Сергея Невлюдова. Однако в дилогии Невлюдов не является персонажем, принимающим хоть какое-то участие в действии; там он – смутный призрак былого, автор открытия, перевернувшего мир, и, в каком-то смысле, символ связанной с этим открытием тайны. Что же касается нового романа, то здесь он главный герой, и события этого повествования происходят не через триста-четырееста лет, а почти в наши времена, в самые ближайшие годы.

Хотя роман практически не связан с «Тенью Ветра» и «Тенью Земли», посвященным картинам далекого будущего, я все же советовал бы читателям ознакомиться с этой дилогией. Мне кажется бесспорным следующее умозаключение: чтобы понять прошлое, нужно сделать шаг в будущее.

Глава 1

ХОРОШО ЖИВЕТ НА СВЕТЕ ВИННИ ПУХ

*Хорошо живет на свете Винни Пух!
Оттого поет он эти песни вслух!*

А. Милн. Винни Пух и все-все-все

Сегодня филенка была на месте.

Недели три назад, как раз к Новому Году, кооперативные боссы сделали нам сюрприз, установив в каждом подъезде внутреннюю дверку с кодовым замком, хорошую дверь, из цельной сосновой доски, с двумя широкими филенками вверху и внизу и еще одной, узкой – посередине. Чтоб мы, жильцы – упаси бог! – не вымерзли в январские холода, чтоб нам не надуло в уши и чтобы какой-нибудь отморозок не проник на лестницу и не пришиб старушку с седьмого этажа... Но отморозок нашелся прямо среди нас: нижнюю филенку уже трижды вышибали и уволакивали в неизвестном направлении. Я думаю, на тот же седьмой этаж, где кроме старушки проживал дядя Коля Аляпин, мужчина небогатый, но прижимистый и хозяйственный.

Однако сегодня, как я уже говорил, филенка была на месте. Отметив сей отрадный факт, я направился к почтовым ящикам и вытащил из своего, изломанного и побитого жизнью, запечатанную повестку. В ней значилось: Невлюдов Сергей Михайлович, инженер-лейтенант войск связи, тридцати двух лет от роду, обязан явиться во Фрунзенский райвоенкомат города Санкт-Петербурга 19 января, к двенадцати ноль-ноль. С паспортом, военным билетом и дипломами о высшем образовании. При всех регалиях, значит, и к двенадцати ноль-ноль... Что ж, превосходно; посплю до девяти вместо восьми.

Разглядывая клочок бумаги с расплывчатой военкоматской печатью, я думал: все из ящика прут – и журналы, и газеты, и даже письма, а вот на такие повестки преступная рука не поднимается. То ли из злорадства, то ли из жалости... мол, хоть повестку ему оставим, раз газеты сперли...

Газеты действительно сперли – и «Вечерку», и «Невское время».

Впрочем, вызов в военкомат, извлеченный мной из почтового ящика со сломанным замком, с лихвой компенсировал эти потери. Завтра – вторник, день кафедрального семинара, а тащиться в Петергоф мне совсем не хотелось, даже из уважения к Вил Абрамычу. Шеф мой – добрый старикан, страдающий хроническим мягкосердечием, что не позволяет ему резать профанов и четвертовать невежд. А длинноухий нахрапистый Юрик Лажевич был профаном и невеждой, и сидеть на его предзащите с прибитым к небу языком я решительно не собирался. С другой стороны, кто ищет хлопот на свою голову?... Критика рождает недоброжелателей, и отсутствие на семинаре было бы для меня наилучшим выходом. An ounce of discretion is worth a pound of wit – говорят англичане, и они правы: унция благоразумия в самом деле стоит фунта остроумия.

Решив, что повестка – верный шанс прогулять семинар и разобраться кое с какими личными делами, я бодро затопал вверх по лестнице, прикидывая завтрашнюю диспозицию. Может, к Михалеву заглянуть... Глеб Кириллыч, эпикуреец и шалун, был давним отцовым

приятелем; жил он вблизи военкомата, на углу Фонтанки и Графского, строгал фантастические романы и отличался гостеприимством, обширным брюхом и житейской мудростью. Нет, не успею, с сожалением подумал я. Если в полдень не наденут каску и не пошлют стрелять дыркачей, то к часу доберусь на истфак, увижусь с Бянусом и одарю его обещанной программой; в четыре буду в Павловске, у моих хрумков-гарантов, а в шесть, пожалуй, дома, у компьютера. И если мои работодатели справились с финансовым вопросом, мне хватит развлечений до полуночи. Или до утра – смотря по тому, какой суммой меня осчастливит Ичкеров...

С этой мыслью я вставил ключ в прорезь замка, нажал, распахнул дверь, отряхнул снег с шапки, разделся и решительно направился к телефону. Телефон висел над диванчиком в прихожей, точно на том месте, где его пристроил отец четверть века назад. Древняя модель, с диском и громоздкой трубкой, но я ее не менял; я вообще старался ничего не менять в родительской квартире.

Примчалась Белладонна, неслышно ступая на бархатных лапах, вспрыгнула на табурет, потерлась о мои колени и мяукнула, требуя рыбки, но я не отреагировал. Первым делом бизнес! Первым делом мне нужно было позвонить в «Гарантию», Ичкерову. От разговора с ним зависели и рыбка, и молочко, и все наше благосостояние на текущий период.

Я набрал номер. Послышались гудки, потом трубку сняли.

– Керима.

– Иа! – подтвердил гортанный голос.

– Это Сергей. Могу подъехать завтра. От четырех до пяти.

– Под'жжай. – Кроме акцента, Керим отличался уникальной лаконичностью.

– Сумму набрали?

– Иа.

– Сколько?

– Пол'рра.

Очевидно, Это значило «полтора», и я успокоился. Полтора миллиона, пятнадцать тысяч сто долларовых купюр – минимум того, что мне требовалось. Оставалось уточнить только один вопрос;

– Не мятые? Новые?

– Как жж'па младенца.

– Тогда до завтра.

В трубке что-то проворчали – то ли бай-бай, то ли о'кей.

Нажав на рычаг, я помедлил секунду и принялся дозваниваться Сашке. Это было непростой задачей, ибо у доцента Александра Бранникова по кличке Бянус имелись разнообразные интересы и обширные знакомства, особенно среди милых дам. Будучи мужчиной в самом расцвете лет, пьющим, неженатым и угнетаемым строгими родителями, он посвящал вечера телефонному общению с прекрасным полом, намекая при случае, что есть-де у него верный друг с трехкомнатной квартиркой в Купчине, а в квартире той найдутся ванна, бар и мягкая постель. Иными словами, душ на двоих, бутылка и диван в гостиной, так как в мамину спальню я развратного Бянуса не допускал.

Белладонна подняла ко мне снежную мордочку с большими, бирюзовой голубизны глазами, рассеченными черными щелями зрачков.

Она молчала, как положено воспитанному зверю, но уши и чуть заметно подрагивающий хвост выражали явное неодобрение. Что ж ты, хозяин, – вернулся домой, а

кошку свою не кормишь! Хоть бы приласкал, недотепа...

Я коснулся ее спины, и Белладонна, изящно склонив головку, ткнулась носом в мою ладонь.

– Сейчас, красавица. Будет тебе рыбка, и не простая, а из минтая...

Наконец-то мне удалось прорваться к Бянусу, и я сухо сообщил, что пи-эйч-ди^[1] Невлюдов, старший научный сотрудник НИИ кибернетики, пожалует к пи-эйч-ди Бранникову, доценту кафедры древних культур, завтра, в час пополудни.

– Народ благодарен и ждет, – откликнулся Сашка. – А какие будут предложения на вечер?

– Ровным счетом никаких, – отрезал я. – Мне нужно работать.

– Грррм... Ты, Серый, учти: народ любит работать, но еще больше народ любит отдыхать. С пивом и девочками. И с плясками под гармонь.

Белладонна, будто подслушав, протестующе мяукнула, я буркнул:

– Обойдешься!» – и повесил трубку. Но телефон тут же зазвонил; Бянусу не терпелось.

– Согласен без пива и девочек, – сообщил он. – Пусть будет Аллигатор с коньячной подливкой, а вместо плясок под гармонь займемся теорией позитивной реморализации.

– Очень даже опохмеляет! – Бянус выдержал паузу и тонко намекнул: – Ну, приглашаешь в гости?

– Черт с вами, приходите, – сдался я, выдернул телефонную вилку из розетки и двинул на кухню. Верно сказано: приятели – это удовольствие, друзья – хлопоты. А если вы дружите с нежных младенческих лет с Бянусом и Аллигатором, то хлопоты вам обеспечены. Похмельные хлопоты, я имею в виду.

Но сейчас мы с Белладонной могли отужинать и отдохнуть в трезвости и нерушимом покое. Белладонна с деликатным урчанием уминала рыбку, я молча ел сосиски и прихлебывал кофе. В выходные и будние дни я пью кофе из отцовой чашки, а из маминой – только по большим праздникам. Чашки видом своим напоминают мне родителей: отцова массивная, капитальная и как бы даже мускулистая; это впечатление создает утолщенный ободок по верхнему краю и резкий изгиб толстой ручки. Мамина чашка из костяного фарфора была как сама мама – тонкой, хрупкой, элегантной. Я пил свой кофе и думал о руках мамы и отца, которые касались этих чашек тысячи раз; когда я размышляю об этом, мне становится спокойно – так спокойно, будто они сидят сейчас в гостиной и обсуждают, не сходить ли нам троим в театр в ближайший выходной.

О одиночество, как твой характер крут!...

Впрочем, кто сказал, что я одинок? Вовсе не одинок. У меня десятки добрых знакомых по ту и по эту сторону океана, у меня есть парочка друзей, есть Белладонна и даже ребенок – правда, чужой. Как-то не получилось, чтоб это дитя стало моим, хотя какое-то время все шло к тому... Но женщины более разборчивы или более капризны, чем дети.

Прикончив сосиски, я пожалел себя в последний раз, пощекотал Белладонну под брюшком и отправился в свой кабинет. У одной его стенки располагается мое лежбище под пестрым покрывалом, у другой – компьютерный стол с контактным креслом, а весь остальной периметр, за исключением зеркала, окна и двери, занят книжными полками. Пятьдесят шесть полок и ровно столько же погонных метров книг; книги моего прадеда, деда, отца и мои собственные. Что не поместилось в комнате, держу в коридоре. Мамина медицинская библиотека хранится в спальне, в ореховом книжном шкафу; и в нем же, на верхней полке – коллекция Коранов, которую собирал мой дад^[2].

Помнится, Коран на английском я приволок ему из Штатов в девяносто шестом, вернувшись домой на каникулы... Или в девяносто восьмом? Нет, тогда был доставлен роскошный индейский убор из вороньих перьев, что висит теперь над зеркалом, и пара томагавков...

Я уселся в кресло, но шлем надевать не стал. Тришка, мой компьютер, глядел на меня своим огромным плоским стеклянным глазом, серым и безжизненным, как могильная плита на заброшенном погосте. Но он не был мертв; он лишь дремал, прислушиваясь в своем полусне к призрачным голосам, к электронному шепоту и вскрикам, журчанию и посвисту, которыми говорила с ним Сеть. Даже дремлющий, он мог разобраться с этой Ниагарой информации, с буйными потоками, что хлестали в его приемный канал ежеминутно, ежесекундно; мог найти и опознать то, что было предназначено для меня, Сергея Невлюдова, абонента. Все это он запоминал, сортировал и хранил, поджидая, когда придет команда пробуждения.

Коснувшись сенсора, я перевел Тришку в активный режим.

Его серый глаз ожил, стал наливаясь многоцветьем радужных красок; негромко щелкнула обойма с дисками, мягко прожурчал модем, в колонках вокодера зародилась нежная мелодия, а трюйлер и операционные пульта, встроенные в ручки кресла, откликнулись тонкими пронзительными сигналами готовности. «Three Shark»^[3]

Мой Тришка, добрый приятель, тихая радость холостяка! Окно в мир, что ни говори... Крохотное оконце в очень большой мир...

Я проверил почту – писем мне не поступало. Ни из Кембриджа, ни из Саламанки, ни из иных мест. Пришла обычная информация – статьи, реклама и краткий синопсис по страницам новостей, на которые я был подписан. Байки, сплетни, слухи...

Белладонна явилась следом за мной и, увидев, что я активировал Тришку, прыгнула на стол и расположилась на своем обычном месте, у теплого компьютерного бока. Ее белоснежная шерсть лежала волосок к волоску, ушки были насторожены, а дымчатый пепельный хвост изогнут знаком интеграла. Сейчас она казалась мне не просто кошкой, пусть редкой и необычной масти, а компьютерным духом, маленьким джинном, явившимся из таинственного электронного сосуда, дабы исполнить все мои желания. Почему бы и нет? Японцы (а в бытность мою в Штатах и в Англии я познакомился со многими японцами) считают кошек загадочными существами, наделенными магической силой. Их колдовская мощь тем больше, чем редкостней окрас, и если исходить из этого принципа, то Белладонна – настоящий Мерлин в своем кошачьем племени. В самом деле, часто ли встретишь белую кошку с пепельно-серым хвостом и голубыми глазами?... Глаза у нее совсем человечьи, вроде моих, только чуть-чуть посветлее.

Чтобы убедиться в этом, я вызвал на экран собственную фотографию – из последних, летних. Можно было взглянуть в зеркало, но снимок лучше: во-первых, не гримасничает, а во-вторых, выражение лица самое благородное.

Ну и что же мы тут имеем? Лоб – один (высокий, с залысинами), пара бровей и пара глаз (хотелось бы думать, стального оттенка, но они и в самом деле синие, как у Белладонны); еще – две губы, ниже – подбородок, выше – нос (прямой, аккуратный, отметил я с удовольствием), две щеки (впалые) и левое ухо (правое на снимке не получилось). Все вроде бы на месте и, если рассматривать в деталях, очень даже ничего.

А вот в комплекте что-то не вытанцовывается... Суровости, может, не хватает? Решительности? Или обаяния?

Вот у Белладонны бездна обаяния: Олюшка, моя соседка по этажу (та, что чуть не сделалась моим ребенком), рядом с Белладонной просто млеет. Как и все коты из нашего подъезда, коих еще не успели кастрировать... Как и хозяева котов и кошек, хотя к их восторгам примешивается капелька зависти... Как и гордые владельцы всяких блохастых псин... Как и сами псины, взирающие на Белладонну с острым и дружелюбным интересом...

Да, великая вещь – обаяние! А я вот его лишен.

Хотя, если подумать, дело это поправимое – стоит лишь разжиться шрамом на роже и романтическим ореолом авантюриста. Судя по новостям, свалившимся Тришке в память, возможности к тому имелись. Во-первых, объявления: требуются крепкие молодые мужчины, мечтающие о подвигах, работа – опасная, но высокооплачиваемая. Во-вторых, прямо из военкоматских кабинетов я мог броситься в бой с отложившимся приморским регионом и схлопотать пулю от дыркачей; в-третьих, поучаствовать в крымской кампании, пристрелить десяток громадян. Впрочем, ни то ни другое меня не соблазняло. И там и тут свои били своих, и я решил, что лучше уж вернуться в Штаты и взбунтовать индейцев. Если, конечно, удастся склонить их к бунту и выбиться в индейские вожди... Кстати, похож ли я на индейца? Пойдут за мною апачи? Или, скажем, черноногие из резервации Сан-Паулу?

Нет, не похож! Решительно не похож! Типичный петербургский бледнолицый. В скулах, правда, намечается что-то монголоидное, и глаза косоватого разреза, но это не от индейцев, это от татарских предков.

А если скорчить рожу погрознее?

Повернувшись к зеркалу, я ощерился и рыкнул, перепугав Белладонну. Она с неодобрением следила за мной, пока я изучал свои зубы. Хорошие зубы, крепкие, и все на месте. Никогда их не лечил. Даже странно для мужика, которому за тридцать. У Аллигатора, к примеру, половины нет. Или четверти. Проел на тортах и пирожных, чревоугодник! Я его поддразниваю, а он отбредывается: мол, бандитская пуля вышибла. Знаем мы эти пули! Знаем, в каких кабинетах они жужжат! Воистину, стоматологи хуже бандитов. А если еще о ценах вспомнить... Я встал, подошел к зеркалу, напялил индейский убор и обозрел себя от кончиков черных вороньих перьев до колен. Может, сойду за ирокеза или пауни? Телом я сухощав; кость широкая, в отца, но мяса на костях немного – это уже в мать. Она была миниатюрной, грациозной и двигалась так, будто танцевала вальс или медленное танго. Но я не унаследовал ее изящества. Я напоминаю не газель, а недокормленного бычка: скелет крепкий, а на нем одни жилы. Конституция номада, говаривал мой дядя. Такими, по его мнению, были мои пращурсы – татары и те, другие, что пасли коз в Синайской пустыне.

Вернувшись на место и вспомнив, что газеты мои похищены, я вызвал страницы новостей – сначала обычных, которые передавало агентство «Российский Интернет», а затем международные «AmazingNews»^[4].

В обычных новостях сообщались вещи обычные: о резне в Крыму, где боевики украинской «Громады» сцепились с татарами и так называемым «русскоязычным населением»; о наборе крымским парламентом добровольцев среди россиян – с целью защиты Симферополя; о карательных операциях в Чечне и поимке пятидесятого по счету полевого командира; о вялых боях на дальневосточном фронте, где три бронетанковые дивизии застряли под Хабаровском в снегах и льдах; о происках китайцев, снабжавших, по непроверенным слухам, отпавшее Приморье (оно же – ДР, «дырка» или Дальневосточная Республика) боеприпасами и техникой; об очередных событиях в Государственной думе –

кто-то кого-то облил нарзаном, а лидера фракции ХЛР уличили в трансвестизме или копролагнии^[5] – словом, в чем-то нехорошем.

Малоприятные известия, зато «AmazingNews» меня развеселили. Пропустив голливудские сплетни и описание свадьбы двух голубых шоуменов, я погрузился в разделы магии и уфологии. Судя по заголовкам, в последние дни в мире творилось что-то невероятное: повсюду наблюдался электронный полтергейст, лампочки, телевизоры и стиральные машины включались и выключались сами собой, в Глобальной Компьютерной Сети бушевали штормы, приливы и отливы, телекоммуникационные устройства по непонятным причинам сбоили, а затем, без всякого вмешательства ремонтных служб, вдруг восстанавливалось статус-кво. По мнению уфологов и магов, наука была бессильна объяснить всю эту чехарду, так как комет, магнитных бурь, протуберанцев и вспышек сверхновых в природе не наблюдалось. Что до самих уфологов и магов, они выдвигали пару гипотез, вполне адекватных их профессиональной ориентации. Согласно гипотезе номер один, космические пришельцы, решив активнее влиять на земные дела, подбросили вирусы в Сеть – то ли по злобе, то ли с намеком на свое всемогущество, то ли отреагировав на смутные планы насчет марсианской экспедиции. Им, пришельцам, не нравится наша активность в космосе, где нету места для варваров и дикарей; и потому они, пришельцы, предупреждают: сидите тихо, веники, или будете спать под цветочками. Вторая гипотеза, в сущности, ничем не отличалась от первой, но вместо пришельцев в ней фигурировали адские силы зла, прорыв отрицательных астральных энергий либо Господня воля. По утверждениям очевидцев, вступивших в контакт с ангелами, Господь был многим недоволен, но в особенности – нечестивыми экспериментами по клонированию человека, коими занимались Ричард Сид и добрая сотня его последователей.

Читать всю эту белиберду было временами страшно, временами весело, и я, подхихкивая в самых пикантных местах, процитировал пару заметок Белладонне. Она деликатно зевнула, показав острые зубки и розовый длинный язычок; все эти людские измышления, причуды и закидоны были ей, как говорится, до лампочки.

А вот и зря! Кое над чем тут стоило поразмышлять или хотя бы принюхаться. Конечно, не с таким интересом, как к свежей рыбке, но рыбку мы уже съели, и сосиски тоже; пришла пора вкусить пищи духовной.

К примеру, такой: о лазере с американской космической платформы, который взял и вдруг разрядился в сторону Луны. На мой взгляд, это событие принципиально отличалось от баек об электронном полтергейсте: отраженный сигнал перехватили еще два спутника, российский и французский. Любопытная история! И страшенькая, должен заметить! Теперь сотрудники НАСА искали ошибку в своих программах, агенты ФБР шерстили их вдоль и поперек в поисках то ли китайских шпионов, то ли террористов бен Ладена, а Госдепартамент давал мировой общественности туманные объяснения. В том смысле, что Луна – это вам не Земля, и палить в нее не грех, что из этого факта не надо делать поспешных выводов и что лазер был вовсе не боевой, а так, хлопушка. Совсем безобидный прибор для любознательных ученых, который крыльев комарику не обожжет! И вообще боевые лазеры – чистая фантастика, а слухи о них – происки умалишенных пацифистов. Тех, из Грин-писа, что несут всякую ерунду о психотронном оружии, тетрачуме и прочих воображаемых страшилках.

В одной из прочитанных мною заметок МИД России авторитетно подтверждал: да, все это чушь, происки и слухи, игра воображения! Никто не видел этих лазеров ни в космосе, ни

на Земле, никто не пытался их проектировать, никто не использовал их в военных целях, так как – по мнению крупных шишек Икс, Игрек и Зет – сие выходит за рамки реальности. Словом, современная наука до этого не доросла, и Россия таким оружием не располагает. Как, разумеется, и Соединенные Штаты.

Ознакомившись с этой реляцией, я скептически прищурил глаз. По выражению одного из моих друзей, каким при|тыркам тут крутили динаму? Есть лазеры, нет лазеров... В лазерах ли дело? Сбой случился в системе управления, а это значит, что сегодня лазер пальнул в Луну, а завтра сами собой взлетят ракеты и прочая беспилотная машинерия. И куда свалится это добро?

На фоне таких перспектив все мои планы, все неприятности вроде пропавших газет, военкоматской повестки и отсутствия обаяния казались сущей чепухой. Равным образом, как и мои успехи в сфере компьютерных наук и сопредельных областях.

Плохи наши делишки, Белладонна, – сказал я. – He should have a long spoon that sups with the devil... Не понимаешь? Перевести? – Она просительно мяукнула; она любит, когда я с ней разговариваю. – Смысл тут такой, моя красавица: если сел обедать с дьяволом, запасись длинной ложкой. А у нас, людей-людишек, ложка коротковата. Или разум?... Это что же выходит? Накрыли столик, пригласили черта, глядь – а с длинными ложками напряженка!

Коснувшись клавиши сенсора, я перевел Тришку в привычный полусон, затем встал и направился к кровати, разоблачаясь на ходу. Белладонна, прижмурив веки, следила за мной.

– Представь, – бурчал я, стягивая рубаху, – что наш Тришка взбесился... все Тришки в мире взбесились... и безобидные вроде нашего, и те, которые при погонах да орденах... взбесились, значит, и пошли палить туда-сюда... Эточто же получится? Страшный суд, моя дорогая! – Я справился с рубашкой и начал расстегивать брючный ремень. – Во-первых, мы с тобой не успеем потратить гонорар от Ичкерова... во-вторых, Бянус не расшифрует свои письма... в-третьих, Алику некого будет ловить... преступников не останется, понимаешь? ... Ни деловых, ни честных фраеров... все будем жмурики... И тогда наступит на Земле сплошное кошачье царство! Одни коты да кошки, и никаких людей! Ты как, не против?

Я был уже в постели, и Белладонна, покинув Тришку, перебралась ко мне под правый бок. Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись; в ее глазах я прочел обещание, что в том грядущем кошачьем царстве найдется место для одного человечка. Если он, само собой, не попадет дьяволу на зуб.

Протянув руку, я выключил свет.

Глава 2

ДУХ СКИТАНИЙ

*Мой дух скитаньями пресытился вполне,
Но денег, как и прежде, нет в казне.*

Омар Хайям. Рубаи

Утром, когда я спустился с лестницы, нижней филенки уже не было. Зато сверху – с седьмого этажа?... – доносилось бодрое постукивание. Возможно, дядя Коля Аляпин строил из филенок забор или возводил фазенду.

Дверь хлопнула за моей спиной. Резкий январский ветерок тут же ударил в лицо, швырнул горсть колючих снежинок, заставив прищуриться; холод, пробравшись сквозь теплую куртку, начал щекотать позвоночник ледяными лапами. Когда я оклемался и проморгался, то обнаружил у подъезда меховой шарик – соседку Олюшку в пышной шубке с капюшоном. Из-под него торчали только светлые брови да курносый нос.

Олюшка, шестилетняя самостоятельная девица, направлялась в детский садик, да видно снежные сугробы ее соблазнили: в одном она прокопала пещерку и что-то прятала в ней, посапывая от натуги. Увидев меня, дитя отряхнуло варежки, поднялось с коленок и вцепилось в мой рукав.

– Дядя Сережа, а, дядя Сережа! Беляночка ест сливу в шоколаде?

Беляночка – это моя кошка. Оля зовет ее Беляночкой, Белкой, Донюшкой, Ладушкой, и вообще отношения у них такие нежные, что временами я испытываю ревность. Оля гладит ее и воркует, а Белладонна мурлыкает ей в ответ, да так ласково, как никогда не мурлыкала мне, своему законному хозяину и кормильцу! Но сердцу, как утверждают, не прикажешь.

Я доложил Олюшке, что Белладонна конфет не ест, в отличие от дяди Сережи. А вот дядя Сережа – большой охотник до конфет, поэтому милости просим в гости, только не сегодня, а завтра, так как сегодня к нам приходят Бянус с Аллигатором, а им сливу в шоколаде лучше не показывать – сожрут вместе с коробкой. Олюшка понимающе кивнула.

– Аллигатор – это дядя Алик, да? А Бянус – дядя Саша? Дядя Алик – большой и толстый, а дядя Саша – низенький и тощий, но едят они вровень. Оч-чень много!

– И пьют тоже, – добавил я. – А выпивши, поют. Так что вы с мамой сегодня вечером не пугайтесь.

– Мы люди привычные, – сказала Олюшка. – Но если дядя Алик будет петь очень громко и мешать мне спать, ты ему передай, что за это положена сказка.

– Всенепременно, – подтвердил я и откланялся. Удивительное дело, лет до двадцати пяти я как бы не замечал детишек. Нет, конечно, замечал, но они меня не волновали, и никакого интереса к ним, спиногрызам, я ощутить не мог. Даже наоборот, чувствовал неприязнь. Подростки казались мне нахальными и нескладными, младенцы мокрыми и пухлыми, как подушки на поролоне, а промежуточная стадия была жутко крикливой, сопливой и донельзя утомительной. Потом все переменялось, как-то сразу и вдруг – дети, особенно в возрасте Олюшки, стали меня привлекать, и при взгляде на них в голове зарождались смутные мысли семейной ориентации. Мой дяд говорил, что я превратился в

мужчину – то есть не только вырос до метра семидесяти восьми, но и дозрел до нужной мужицкой кондиции. Наверное, он был прав.

Года четыре назад, когда я вернулся домой, к двум могилам и осиротевшему жилью, выяснилось, что прежние соседи по лестничной площадке разъехались кто куда, и теперь рядом со мной обитает Катерина с малолетней Олюшкой. Катерина была женщиной в самом цветущем возрасте, интересной, страстной и вдовой; на первых порах она меня, сироту, пригрела, и у нас даже наметился роман. К счастью, до постели (как с Танечкой, секретаршей Вил Абрамыча) дело не дошло. Повторяю – к счастью; ведь жизнь рядом с женщиной, с которой ты переспал и которая тебя бросила, превратилась бы в нелегкое испытание – во всяком случае, для меня.

Но Катерина, при всем своем темпераменте, отличалась профессиональным бухгалтерским здравомыслием. Выведав, что хоть я учился и трудился за бугром, но богатств никаких не привез, она решила, что научный кадр, даже с двумя степенями PhD, плавает мелкогато. Тут страсти и увяли, что не отразилось на наших добрососедских отношениях: Катерина не возражает против песен Алика, а я всегда готов присмотреть за Олюшкой. Особенно в то время, когда у моей соседки наступает период активного секса. Рассуждая об этих вещах, я незаметно добрался до метро, миновал череду женщин, что торговали пивом, колготками и жвачкой, скосил глаз на двух нищенок, дежуривших при входе, однако рука в карман не потянулась. У пропускных турникетов играл на свирели лохматый мужчина с интеллигентным обвисшим лицом. Я кинул в его шапку два рубля; протяжные жалобные звуки, будто примета времени,плыли за мной, когда я шагал по перрону.

В теплом вагоне мне удалось отогреться. Доехав до станции «Владимирская», я выбрался на поверхность, снова прошел сквозь строй торговок и попрошайек и ровно в полдень деликатно постучал согнутым пальцем в дверь третьего отделения. Не надо путать его с царской охранкой темных самодержавных времен; третье отделение райвоенкомата всего лишь курирует господ офицеров, пребывающих на скамье запасных.

Я представился – скромно, но с достоинством, и выложил на стол суровой дамы в квадратных очках пачку документов. Памятуя отцовы житейские уроки, я знал, что и в каком порядке класть. Первым – российский паспорт в коричневой обложке, вторым – зеленый воинский билет с повесткой, третьим – красный диплом об окончании физфака, а затем всякую шелупонь – пестрые заокеанские бумаги о степенях, присвоенных мне университетом Саламанки, штат Огайо, и их перевод на русский. Такой порядок четко классифицировал меня в том уголке мироздания, который назывался Землей; прежде всего я был гражданином России, потом – лейтенантом запаса, а уж напоследок – ученым-физиком, закончившим Петербургский университет, прошедшим аспирантуру в Штатах и стажировку в Кембридже.

Мымра в очках с непроницаемой физиономией просмотрела мои бумаги, хмыкнула при виде зарубежных дипломов, сделала какую-то пометку в воинском билете, и я затрепетал. Я уже видел, как отправляюсь в очередное долгое-предолгое странствие, куда-нибудь на монгольскую границу или под Хабаровск, на усиление нашим дивизиям, потонувшим в дальневосточных снегах. Это был ужасный миг! Мне было ясно – в полный разрез со вчерашними наивными мечтами! – что дух скитаний окончательно меня покинул, что воевать я не хочу, что меня не тянет ни в Грозный, ни в Хабаровск, ни даже в резервацию Сан-Паулу к угнетаемым индейцам из племени черноногих. Я – пацифист! Такой же свихнутый миролюб, как заклеянные Госдепартаментом США уроды! Я тоже боюсь страшного

лазера, психотронных бомб и тетрачумы! И я не хочу иметь никакого дела со всеми этими ужасами!

Дама сняла очки, протерла их, надела вновь и поднялась. Рост у нее был гренадерский, на пять дюймов выше меня, хоть сам я отнюдь не карлик.

– Поздравляю, Сергей Михайлович, с присвоением звания старшего инженер-лейтенанта, – промолвила дама официальным тоном.

– Служу демократической России! – с невольным облегчением буркнул я. Затем перевел дух, склонил голову к плечу и интимным шепотом поинтересовался: – Есть ли шанс, что к сорока годам я дослужусь до капитана?

– Нет, Сергей Михайлович, – с той же интимностью ответствовала очкастая. – Тем, кто не служил действительной, хватит трех звездочек. Но если вы интересуетесь карьерой в армии... особенно в местах военных действий... В общем, советую заглянуть в седьмой кабинет к подполковнику Чередниченко. Он вас проинформирует.

– А можно не заглядывать? – содрогнувшись, спросил я. – Можно отметить повестку и удалиться старшим лейтенантом? С тремя ма-аленькими звездочками?

– Можно, – со вздохом согласилась дама. – Хотя жалко. Такой бравый молодой человек...

Я сгреб повестку и свои бумаги и ринулся к выходу, невнятно пробормотав:

– Уже не очень молодой, не очень бравый, зато умный...

Мымра с сожалением смотрела мне вслед сквозь квадратные очки.

Лишь на углу Невского и Фонтанки, миновав поворот к жилищу Глеб Кириллыча и добравшись до Аничкова моста, я обрел душевное равновесие. Пробежка при крепком морозце – градусов этак пятнадцать – меня освежила; полуденное солнышко меня приласкало, а Невский проспект сыграл успокоительную мелодию из шороха шин и людских голосов. Стоя здесь, у копыт взметнувшегося на дыбы бронзового коня, над скованной льдом Фонтанкой, я чувствовал, что нахожусь в предназначенном мне месте, именно там, где полагается мне пребывать – ныне, присно и во веки веков. Это был мой Питер, город, где родились мои отец, дед и прадед и где родился я сам; и тот факт, что я покинул его на время ради других городов, стран и весей, значил теперь меньше нуля, помноженного на ноль. Покинул? Ну и что же? Ведь я вернулся! Мог ли я променять его на Лондон, Бостон или Лос-Анджелес? Ни в коем случае! Быть может, на минареты, зной и пыль сказочно-экзотического Багдада – и то лишь потому, что там царствовал во время оно Харун ар-Рашид.

Город – это прежде всего люди, а русский человек ленив, мечтателен и склонен к героизму, что роднит его, на мой взгляд, с арабами. Именно с арабами, а не с американцами и не с другими народами, могу в том поручиться. Я провел четыре года в Штатах и два – в Британии, я побывал в Париже и Монреале, в Стокгольме и Мехико, в Венеции и Мюнхене, я даже добрался до Каира и Буэнос-Айреса... Словом, я знаю, о чем говорю. У нас с американцами и европейцами ментальность разная, примерно как у дельфинов и осьминогов, так что одно и то же событие мы оцениваем с различных позиций. Взять хотя бы Сашу Матросова – таких солдат, что грудью легли на амбразуру, в России считают сотнями, и все они для нас герои. А в Штатах, как мне говорили, нашелся один, и для кого он герой, а для кого – психопат и неврастеник.

Я рассуждал на эта темы уже в троллейбусе, стиснутый моими ленивыми мечтательными согражданами как рубль в кулаке цыганенка. Песец с дамской шапки щекотал мне нос, чей-то локоть упирался в спину, острый край «дипломата» давил под

копчик, но я терпел, обороняя сумку с документами, бутербродами и диском. Диск, к счастью, был упакован надежно, в металлический футляр, рассчитанный как раз на случай давки, мятежа, цунами, землетрясений и других катаклизмов, так что я за него не боялся. Беспокоился за свои ребра.

На остановке у Эрмитажа народ ринулся к дверям, а меня притиснули к сиденью, к какому-то старику в долгополом пальто и черной каракулевой шапке пирожком. Я взглянул на него и почувствовал, как замерло сердце. Я видел его лицо сверху и в профиль, и в этом необычном ракурсе он так походил на отца! Смугловатая кожа, густая нависшая бровь, тонкий хрящеватый нос, резкие морщины у рта, чуть раздвоенный подбородок в серебристых точечках щетины, будто тронутый инеем... Старик шевельнулся, поднял голову, взглянул на меня, и иллюзия исчезла. Похож, да не слишком... Ему было не меньше семидесяти, а дад умер в пятьдесят восемь, от внезапного инфаркта. Скончался прямо за своим рабочим столом... божья смерть, как говорится, без мучений и ужаса, который испытывает человек в преддверии наступающего небытия... Мама была старше отца на шесть лет – тоже не слишком преклонный возраст, – но умерла тремя днями позже, вроде бы без видимых причин. Будто в ней что-то надломилось, сказали мне в больнице... Одним словом, почти как у Грина: хоть жили они недолго, да счастливо и умерли в один день. Иногда я думаю: наверное, мама любила отца больше, чем меня. Кошунственная мысль! Можно ли считать любовь как деньги или оценивать наподобие имущества? Но ведь она ушла за ним, а не осталась со мной...

В те печальные дни я находился в Париже, на конференции по квантовой химии, и потому разыскали меня не сразу. Михалев Глеб Кириллыч – тот самый друг отца и коллега по писательскому ремеслу, обитавший в Графском – нашел мой телефон (мама уже лежала без сознания в реанимации) и принялся названивать в Кембридж, объясняя на пиджин-инглише и вологодско-французском диалекте, что у Сержа Невлюдова, ассистента профессора Диша, умер отец и умирает мать. Пока его поняли, пока разобрались, что он не шутит, пока связались со мной, пока я метался в поисках билета... Пока, пока, пока... Словом, когда я прилетел в Питер, все уже было кончено; дад и мама лежат в морге тридцать третьей больницы, а в пустой квартире жалобно мяукает забытый голодный котенок. Я не знал, не ведал, что родители завели кошку. Я и сейчас не знаю, какое имя они ей дали. Но в том ли суть?... Белладонна напоминает мне о них, и я ее люблю.

Троллейбус форсировал Дворцовый мост, остановился меж ростральных колонн и с облегчением изверг наружу десяток пассажиров вместе с Сергеем Невлюдовым. Сергей Невлюдов – то есть я – огляделся, отринул грустные мысли, почистил перышки и поскакал на истфак, прижав к груди сумку с драгоценным диском и своими дипломами. Вообще говоря, в здании истфака обитают еще философский и экономический факультеты, военная кафедра, а также университетская поликлиника, но историки доминируют над всеми, не исключая военных и докторов. Почему? – удивится какой-нибудь наивный веник. Но личность искушенная усмотрит в том неоспоримый и ясный смысл: история – это политика, а под ее дудку пляшут все: и философы, и экономисты, и генералы, и даже врачи-гинекологи. Во всяком случае, так повелось у нас в России.

Истфак, как и ожидалось, оказался на месте – стоял себе на Менделеевской линии, напротив Двенадцати коллегий, красуясь скромной своей колоннадой и заиндевевшими стенами, с которых осыпалась штукатурка. Впрочем, осыпалась она не первый год, а потому, не обращая внимания на эти мелочи, я юркнул в исторический вестибюль, стрелой

промчался мимо буфета с туалетом и ринулся на второй этаж.

Моя поспешность была нелишней – буквально в пяти шагах, за Двенадцатью коллегиями, в старом университетском дворике, прямом и длинном, как атакующая анаконда, располагался дом не дом, терем не терем, но некое древнее капитальное строение, отданное щедротами ректората НИИ кибернетики. Вот в нем-то я и трудился, из дальних странствий возвратясь, и мог вполне нарваться на приятеля где-нибудь у исторического буфета или туалета. Конечно, у пас, кибернетиков, имелась своя столовая, но в буфете истфака встречались та-акие студенточки!... Вдобавок пиво там было на десять копеек дешевле, сметана гуще, сыр па бутербродах толще, и потому кибернетики исправно паслись на истфаке.

Я не хотел мозолить коллегам глаза. Сами понимаете: военкомат – святое дело; после него нормальный кадр должен кейфовать, вкушать шашлык и чебуреки, лечить нервы горячительным, а не шататься у служебных мест.

Итак, я поднялся по лестнице, прошел по коридору с грязноватыми стенами и выщербленным паркетом в елочку, миновал кафедры новейшей истории России, просто истории России и истории политических учений (все три – догнивающие останки бывшей кафедры истории КПСС); срезал угол у лекционного зала, где кто-то бубнил о скифах и сарматах, и уперся в скромную дверь с надписью: «Кафедра древних культур». Эти культуры делились тут натрое: греко-римская, древнеславянская и все остальные. Бянус относился к остальным. Предметом его интереса были до-колумбовы цивилизации Месоамерики – ольмеки, толтеки, ацтеки и прочие инки да майя. В данное время он занимался расшифровкой узелковых письмен и жаждал осуществить этот научный подвиг с помощью какой-нибудь подходящей программы.

Разумеется, речь шла не о том, чтобы подать на вход закодированные условными символами тексты и получить на выходе индейский эквивалент «Одиссеи» или, скажем, «Слова о полку Игореве». Чудес на свете не бывает, и все обычные программы-переводчики могут работать лишь при наличии словаря и правил, фиксирующих соответствия между грамматическими конструкциями двух языков, – иными словами, эти языки должны быть вам известны. Если же язык мертв и существует лишь в виде непонятной письменности, иероглифов ронго-ронго или узелков на цветных веревочках, то разобраться с ним не проще, чем побеседовать с дельфином. В таких случаях ищут билингву – двуязычную надпись на какой-нибудь стеле вроде Розетского камня, где сообщается об одном и том же на двух языках, знакомом и неизвестном. Но если вы имеете дело с древней Америкой и Океанией, то этот метод неприменим – ведь в те края не добирались ни финикийцы, ни эллины, ни латиняне.

Тут надо идти тропинками поизвилистей, сплетая точный математический метод с эмпирикой и счастливой догадкой. На первом этапе неведомый текст, представленный набором символов, подвергают кластерному анализу, цель которого – распознать устойчиво повторяющиеся кластеры или смысловые группы. Предположим, что это слова или числа; чем больше таких кластеров вы ухитритесь найти, тем более полный словарь получится в результате. Разумеется, вам неизвестно, что означают все эти слова, но одни из них повторяются часто, другие – реже, а третьи – совсем редко. Это, само собой, примитивное качественное описание, а количественным будет частотная характеристика распределения кластеров, их статистический вес в текстах. Когда такая функция получена, вы можете предположить, что чаще всего повторяются слова «царь», «бог», «маис», «жертва» и, к

примеру, «зарезать». Сообщив о своих догадках компьютеру, отправляйтесь пить кофе, ибо теперь начнется долгий и муторный процесс: перестановка значений между словами, их идентификация и попытка на этой основе разобраться с предложенным текстом. Возможно, через пару часов или суток вы получите одну-единственную осмысленную фразу, что-то вроде: «царь... бог... маис... жертва». Пляшите – ведь это великое достижение! Теперь вам осталось только заполнить пропуски между словами (конечно, от фонаря) и прочитайте: «Царь возблагодарил богов за щедрый урожай маиса и повелел принести им жертву».

К сожалению, ваш коллега, пессимист и старый циник, интерпретирует эту надпись совсем иначе: «Царь неугоден богам, и солнце по их велению сожгло маис, несмотря на щедрые жертвы». Выяснить, кто же прав, можно только одним способом – снова запустить тексты в программу и посмотреть, в каком из двух вариантов получится больше осмысленных фраз. Итак, вы повторяете этот процесс снова и снова, и наконец коллега посрамлен: боги все-таки не поскупились на маис для индейцев. Теперь сядьте за стол и напишите дюжину статей.

Но у Бянуса – то есть у доцента Бранникова – дела до статей не дошли, так как он застрял на самом первом этапе, на поиске символьных групп. Он клялся и божился, что перекодировал свои узелки в символьную запись с величайшим тщанием, учитывая их расположение, размеры, способ вывязки, цвет и даже фактуру нитей. В результате каждый узелок был описан десятком признаков, а узлов этих насчитывалось двадцать тысяч без малого. С одной стороны, хорошо – большой исходный массив гарантировал приличную статистику; с другой, катастрофически плохо – ведь с матрицей двадцать на двадцать тысяч, заданной в десятимерном пространстве признаков, не справилась бы ни одна программа кластеризации.

Ни одна в мире, кроме моего Джека Потрошителя. Не буду распространяться, как он умудрялся это делать, – надежды на медаль Вавилова или иной приятный знак отличия меня еще не оставляют. Я совершенствовал свою методу уже шесть лет, еще со времен стажировки в Кембридже, где хитрый старый Томас Диш подкинул мне одну проблемку. Вопрос касался классификации химических связей в солидной выборке веществ; выделение аналогов позволило бы прогнозировать синтез других соединений со сходными свойствами, что являлось весьма непростым и хорошо финансируемым промышленным заказом. Мне повезло с этой задачей: программист, не понимающий физических нюансов, ее бы не решил, а физик или химик, решив, не смог бы написать программу. Но я был един в двух лицах и, как бог Саваоф, породил Джека – тогда еще просто Джека-малютку, Джека-младенца. Потрошителем он стал уже здесь, на кафедре Вил Абрамыча, когда я довел до кондиции шестнадцатый или семнадцатый вариант; и отличался он от первого, как шотландское виски от пива «Балтика». Я подразумеваю не столько крепость этих напитков, сколько разницу в цене – в цене моих бессонных ночей и бдений у экрана Тришки.

Но результат того стоил. Теперь мой Джек потрошил любую проблему, связанную с классификацией, как повар – дохлого кролика; он мог переварить гигантские массивы, найти сходство и разницу между объектами в поле десятков параметров, собрать их в группы, выявить их кластерную структуру, аппроксимировать недостающие признаки и так далее, и тому подобное. Он мог обрабатывать информацию визуального и звукового ряда: тексты, спектры, кардиограммы, отпечатки пальцев, подписи, изображения человеческих лиц и денежных знаков, сонаты Шуберта и птичий щебет – словом, все, что можно загнать на диск через трюер. Еще он мог...

Тут я обнаружил, что толкаюсь в дверь кабинета, который доцент Бранников делил с доцентом Сурабовым, специалистом по халдеям. Или, возможно, по ассирийцам.

Дверь была заперта, но за нею что-то мелодично позвякивало.

– Тук-тук, – сказал я.

– Кого черт принес? – откликнулись из-за двери. Судя по бодрой реакции на мое «тук-тук», это был не вежливый престарелый Сурабов, а нечто более молодое и грубое.

– Здесь Чингачгук Зеленый Змей с Кецалькоатлем, – вполголоса рявкнул я. – Открывай, шанг бледнолицый!

– Сначала посоветуюсь с Великим Духом Маниту, – отозвался Бянус, но дверь все-таки открыл. Потом оглядел меня, нахально прищурился, и вымолвил: – Зеленого Змея вижу, а где же Перистый?^[6]

– Будет тебе и Перистый, – сказал я, направляясь к сашкиному столу с компьютером и расстегивая сумку. – Твой друг Чингачгук теперь за старшего лейтенанта у могикиан, с тремя перышками в хвосте. Распуцу, сам пересчитаешь.

Сашка восхитился:

– Ну, Серый, молодец! Хоть и не майор, как наш Симагин, но все же... Надо отметить! – Он шагнул к столу и вытащил невесть откуда ополовиненную бутылку и стакан. Какой он шустрый, если дело касается горячительного!

– Вечером отметим, – сурово произнес я, включая компьютер. – Придете вы с Симагиным ко мне, и отметим. Но умеренно, как люди культурные! А сейчас замечу, мой бледнолицый брат, что ты слишком много пьешь при закрытых дверях. Мама мне говорила, что пристрастие к алкоголю ведет к импотенции.

Пропустив последнее замечание мимо ушей, Сашка приласкал бутылку нежным взглядом.

– Разве я пью, Серый? Я выпиваю! Изредка! По поводу и случаю... Вот кто действительно пьет, так это археологи.

– Работа у них такая, – заметил я, отсоединив от сашкиного пентюха модем^[7].

– Археологи – мотыга и плуг вашей науки. Всякий историк пашет на археологе... Так что им полагается. За вредность.

Разглядев мои манипуляции с модемом, Бянус восторженно, забыв про свою бутылку.

– Ты что делаешь, начальник? Совсем обездолить хочешь? Я ведь ни одной новой статьи не получу!

– Не получишь, – согласился я. – Но вспомни, друг мой: little pitchers have long ears^[8]. Я не хочу, чтобы мою программу украли с твоего компьютера. Убери модем подальше и не пытайся выйти в Сеть. Если подключишься, узнаю!

– А как? – спросил он с любопытством неопита.

– Узнаю. Есть способы... Кстати, ты слышал, что похоронные венки налогом не облагаются?

Бянус чиркнул ребром ладони поперек горла.

– Клянусь! Чтоб мне увидеть тепловую смерть Вселенной! Я уже забыл про всякие сети и неводы! Ты только скажи – это надолго?

– На все время, пока работаешь с Джеком, – буркнул я, вкладывая диск с программой в приемную щель. На сашкином компьютере (весьма убогом, даже учитывая состояние университетских финансов) не было облоймы с автоматической подачей дисков, и эту операцию приходилось выполнять вручную. Впрочем, у историков работа сидячая, так что

им полезно слегка размяться.

– На все время? – протянул Бянус с ошеломленным видом. – Да я ведь могу возиться с расшифровкой целый год! А как же контакты с научной общественностью?

– Контактируй через коллегу. – Я покосился на стол Сурабова, где матово поблескивал точно такой же компьютер, как у Сашки. – Он ведь не откажет?

– Не откажет, – со вздохом согласился Бянус.

Я переписал инструкцию, инициировал Джека и принялся объяснять, как должны быть подготовлены исходные данные, что означает каждая позиция меню и какие промежуточные сообщения могут появляться в окнах^[9]. Все это содержалось в инструкции, но Бянус, в силу своего гуманитарного образования, разбирался в таких вещах, как мусульманин в ветчине, иными словами – на уровне «чайника». Так что мои комментарии были отнюдь не лишними.

Он уважительно внимал мне и что-то бормотал под нос. Не прерывая лекции, я прислушался.

– ...высочайшее достижение нейтронной мегалоплазмы... Ротор поля наподобие дивергенции градуирует себя вдоль спина, и там, внутри, обращает материю вопроса в спиритуальные электрические вихри, из коих возникает синекдоха ответа...

Бянус цитировал «Сказку о Тройке» братьев Стругацких, и это сразу напомнило мне детство. Наша шайка-лейка-я имею в виду Сашку, Алика и себя самого – открыла Стругацких в пятом классе и до шестого проглотила все – от рассказов до «Града обреченного», благо в отцовской библиотеке каждый роман и каждый рассказ имелись как минимум в двух экземплярах. Дальнейшие наши школьные годы прошли под знаком Стругацких, да и университетские тоже, когда я учился на физфаке, Алик – на юридическом, а Бянус грыз исторический гранит. Где-то на первом курсе мы вдруг сообразили, что можем поддерживать связную и даже остроумную беседу, оперируя цитатами из «Понедельника», «Тройки» и «Гадких лебедей» – с некоторыми добавками из обожаемого Высоцкого.

Эта полудетская привычка не сохранилась у нас с Симагиным (Алик теперь чаще «ботает по фене»), но Сашка, самый начитанный и внимательный из нашей тройцы, ее не отринул. До сих пор он мог цитировать Стругацких страницами и в незнакомой компании представлялся так: Рем Квадрига, доктор «гонорис кауза». На девушек-интеллект-туалочек это производило впечатление; они принимали Сашку то ли за светило юридической науки, то ли за модного гинеколога, специалиста по гонорее.

Итак, он бормотал себе под нос, а я, закончив объяснения, взглянул на свой сто долларовый ханд-таймер^[10].

В овальном продолговатом оконце горели цифры «14:33», ежеминутно сменявшиеся расписанием павловских электричек. На ту, что отправлялась из Купчино в пятнадцать пятьдесят, я еще успевал.

Мы порешили, что Бянус созвонится с Аликом, а я буду ждать их к восьми, с закуской плюс средства доставки «пузырь-поддувало». Затем я поспешно сжевал бутерброд, отверг поползновения Сашки насчет горячительного и покинул его обитель. У лекционной аудитории мне довелось столкнуться с Сурабовым Мусой Сулеймановичем и раскланяться с ним. Сурабов был достоин уважения как человек интеллигентный, немолодой и в силу этого мудрый и терпеливый; впрочем, другой не ужился бы с Сашкой в одном кабинете.

В Павловск я добрался вовремя, в пятом часу. Сумерки над парком и привокзальной площадью уже сгущались, и плавное кружение снежинок, поблескивающих серебром в свете редких фонарей, напомнило мне сцену из классического балета – то ли крохотные лебеди, то ли эльфы в белых камзолчиках плясали в холодном обсидиановом воздухе, на фоне темнеющего неба и елей с разлапистыми ветвями. Я глубоко вздохнул, подумав, что вся эта нетленная красота имеет еще одно преимущество: от Павловска до моего Купчина было двенадцать минут езды на электричке, и значит, я находился почти дома. Это вдохновляло и успокаивало.

Странная приверженность домашнему очагу! Особенно для того, кто молод еще годами, но успел поскитаться по Америкам и Европам... Однако чем старше становишься, тем лучше себя понимаешь, и я уже не первый год догадывался, в чем тут причина. Я вовсе не домосед; напротив, я люблю постранствовать, я легок на подъем, и дальние дороги мне не в тягость. К тому же в душе я романтик, и все необычное, таинственное притягивает и манит меня, как минареты зачарованных дворцов в Аравийской пустыне. Но даже романтику нужен дом, надежное прибежище, гавань стабильности и покоя; и этой гаванью были отец и мама. Где бы я ни учился, куда бы ни ездил, где бы ни жил, дом мой всегда пребывал в точном и определенном месте, и под крышей его меня всегда ждали.

Но больше не ждут. Теперь я сам себе дом, а это, что ни говори, налагает определенные обязательства. Хотя бы в отношении моей кошки.

Я обогнул парк справа и очутился на заснеженной улице, где в двухэтажном флигеле с обширным подвалом размещалась фирма «ХРМ Гарантия». Вернее, «Художественно-реставрационные мастерские „Гарантия», акционерное общество с ограниченной ответственностью. Это наименование давало массу поводов для словесных извращений, и я звал своих работодателей то гарантами, то реставраторами, то хрумками. Познакомились мы прошлым летом, когда я разыскивал умельцев, способных привести в порядок старинный книжный шкаф – тот самый, где хранятся мамины книги вместе с отцовскими Коранами. Хрумки заказ исполнили в самом лучшем виде и взяли недорого, а я помог им купить компьютеры для бухгалтерии и дирекции; так у нас наладилось что-то вроде сотрудничества. Вскоре я узнал, что занимаются они не только реставрацией, но всяким иным промыслом, вроде бы законным и легальным – словом, всем, где пахнет прибылью. Надо сказать, сей аромат меня равнодушным не оставил. Мои расходы никак не желали мириться с доходами; собственно, расходов было много, от квартплаты до рыбки для Белладонны, а доход – один: скромное содержание государственного служащего четырнадцатого разряда. Именно таков ранг старшего научного сотрудника в новой демократической России, и должен сказать, что это совсем не сахар; коллежскому асессору при проклятом царизме жилось куда сытнее.

В общем, гаранты взяли меня подкармливать, подбрасывая кое-какую программистскую работенку. Не знаю уж отчего: по доброте душевной или связав со мной некие перспективы как с человеком молодым, повидавшим свет и всякие языки и племена. Может, языки их и соблазнили: английский я знаю не хуже русского, на французском говорю свободно, а на немецком, испанском, татарском и идише могу объясниться. Так ли, иначе, но мы добрались до нашего нынешнего проекта, в котором Джек играл первостепенную роль; и

оплачивались эти игры с весьма пристойной щедростью.

Я поднялся на невысокое крылечко, позвонил и был допущен в нижний вестибюль, скромно отделанный светлыми сосновыми панелями. Тут всегда дежурили пятеро мордovorотов из «Новгородской Дружины» и милиционер-автоматчик, причем понять, кто у кого на подхвате, было абсолютно невозможно. Милиционер, крупный парень симагинских пропорций, ошивался у дверей бухгалтерии, а дружиннички резались в карты, да не в какое-нибудь очко, а в преферанс. Бесспорный признак высокого интеллекта!

На второй этаж вела деревянная лестница с резными балясинами, выходящая в верхний холл (панели из бука, палисандровые шкафчики с образцами изделий, подвесной потолок и хрустальные светильники). Среди этого великолепия восседала красотка-секретарша в жемчугах и брильянтах – куда там нашей Танечке, с которой я крутил любовь! Напротив этой красавицы (двадцать шесть лет, зовут Инессой, рост метр семьдесят, три четверти приходится на ноги) был небольшой коридорчик с тремя дверями: левая – в кабинет директора, две правые – к его заместителям. Двери выглядели очень солидно, как и кабинеты, отделанные каждый на свой манер. Я называл их «усыпальницей», «Фоли-Бержер» и «скотобойней».

Мои работодатели были людьми бывальыми и небедными; судя по всему, их реставрационный бизнес процветал, подпитываемый с двух сторон заказами городской и областной администраций. Их бригады трудились в Петропавловке и в Эрмитаже, в Павловском, Пушкинском и Гатчинском дворцах и в Казанском соборе; были у них даже альпинисты, полировавшие адмиралтейский шпиль, и спецкоманда по свержению монументов советской эпохи – тех самых статуй и стел, к коим без пятидесятитонного крана не подберешься. Этой производственной деятельностью руководил лично Петр Петрович Пыж, генеральный директор, бывший сибиряк, бывший искусствовед, бывший скульптор и бывший чего-то там еще, крепкий мужчина лет пятидесяти. Керим Ичкеров, гарант помельче, занимался финансами и перспективными проектами, а Альберт Максимович Салудо ведал безопасностью. Безопасности хрумки придавали очень большое значение.

Взобравшись на второй этаж, я обнаружил секретаршу Инессу в самой соблазнительной позиции: в глубоком кресле, нога на ногу, ручки за головой, грудь колесом. И какая грудь! Хоть был я с мороза, но сразу вспотел.

Инесса бросила на меня небрежный взгляд из-под темных шелковых ресниц. Я призывно улыбнулся ей – как всегда, без видимых результатов. Где ты, мое мужское обаяние?!

Покачав длинной ножкой в ажурном чулке, секретарша молвила:

– К господину Ичкерову?

– К нему, *my fair lady*^[11].

Языки не были ее сильной стороной, но, уловив что-то про леди, Инесса соизволила чуть-чуть растянуть губы – не улыбка, а скорее намек на улыбку. Затем она потянулась к селектору, щелкнула клавишей и с придыханием произнесла: – Господин финансовый директор? К вам господин Невлюдов.

Селектор что-то буркнул в ответ, и секретарша кивнула в сторону коридорчика:

– Проходите, Сергей Михайлович. Господин Ичкеров ждет. Но я стоял и молчал, растягивая удовольствие. Хоть было ясней ясного, что ничего мне тут не обломится и пора изображать сквозняк, все-таки глядеть на Инессу было приятно. Куда приятней, чем на очкастого гренадера в военкомате!

Молчание затягивалось, и, почувствовав неловкость, я спросил:

– А здесь ли нынче Север Исаакович?

Этот Север Исаакович, по фамилии Зон, по кличке Сизо, был камнерезом-умельцем, алкоголиком и моим приятелем. Располагался он в подвале, где у гарантов были оборудованы мастерские, и я мог бы лично прогуляться в это производственное помещение. С другой стороны, нельзя же беспардонно пялиться на девушку и ничего не говорить?...

Инесса снова качнула ножкой и хлопнула ресницами.

– Севера Исааковича сегодня в дирекцию не вызывали, и мне он не встречался. А вас вызывали, Сергей Михайлович. И ждут!

Она снова показала взглядом на коридорчик.

Я направился туда, обернувшись разок-другой по дороге, чтобы полюбоваться на Инессу. Что за фактура! Какой пейзаж! Достоин кисти Сезанна. Или Гогена. Или даже самого Франсиско Гойи... Словом, кто прекрасней всех на свете? Вы – в колготках «Голден леди»!

А эту мымру из военкомата только Дейнеке рисовать, мстительно подумал я, открывая дверь в кабинет Ичкерова.

Господин финансовый директор сидел в кресле за серповидным столом, положив на него короткие мускулистые ноги в начищенных до блеска ботинках. Был он похож на мамелюка с картинки: усы торчком, нос крючком, антрацитовые зрачки плюс золотая серьга в левом ухе. Этническая принадлежность Керима оставалась для меня тайной. Не чеченец, не лезгин, не осетин и не азербайджанец... Может, что-то экзотическое? Сван, пшав или хевсур? Может, вообще не кавказец, а сын турецкоподданиого, как Остап Бендер?...

Помещение у Керима было отделано в нежных розовых тонах, с розовыми шторами и золотистой обивкой кресел; висели в нем портреты кинозвезд в самом натуральном виде – то есть в чем мать родила. Поэтому я называл керимову обитель «Фоли-Бержером»; она будила во мне смутные воспоминания о Франции и прочие грешные мысли. Рядом с сейфом, на столике красного дерева, располагался компьютер: снаружи – бронза и золото, спецзаказ для нуворишей, внутри – весьма приличный квинтяк^[12], приобретенный при моем посредстве.

Керим энергично махнул рукой, указав мне на кресло. Я сел и утонул в пуховом сиденье; мои колени задрались выше подбородка.

– Счас п'эдем.

– Поедем? Куда? – Я с удивлением воззрился на финансового директора.

– К тэбе. С качками. Пол'рра лымона, как-ныкак... Ба-алшие башлы! Охранат нада.

Вот что значит практический ум! А я-то думал, что получу сейчас чемоданчик, а в нем – полтора миллиона долларов плюс вспомогательные материалы... Как бы не так! Ба-алшие башлы, охранат нада! И правильно.

Толстым коротким пальцем Керим ткнул в пульт селектора.

– Ныколай, ты? Мой бронэход к под'езду!

Он встал, облачился в дубленку из серой замши и начал колдовать у сейфа – огромного сооружения, обшитого розовым буком, с блестящей анодированной дверцей. На дверце тоже был портрет нагой красотки, в панике привставшей над унитазом. Из унитаза высовывалась страшная волосатая лапа и тянулась к ее розовому задку.

Раздался жуткий вопль, затем – дробная пулеметная очередь, и сейф раскрылся. Керим отключил сигнализацию, вытащил большой алюминиевый чемодан и захлопнул дверцу.

– Пой'ддем, бабай. Пора тэбе наши дэнги отрабатыват.

– Пой'ддем, шашлык, – отвечивал я, поднимаясь. – Мой готов.

– Этот наш «базар на фене» – вполне допустимая вольность меж добрыми знакомыми. Фени я нахватался у Симагина, и на этом странном языке «бабай» означает «азиат», а «шашлык» – «кавказец». Керим звал меня бабаем, потому что я наполовину татарин, на четверть еврей и еще на четверть белорус или литовец (последнее даже отцу не было точно известно). А я звал господина директора шашлыком. Вот и квиты. Все по совести, все по чести... Оно и к лучшему. Как говорят британцы, full of courtesy, full of craft^[13].

Мы спустились вниз (дорогой я снова полюбовался на Инессу) и залезли в керимов бронеход – джип «Мистраль» с пуленепробиваемыми стеклами. То есть я так думал, что стекла непробиваемые, поскольку были они толщиной в палец.

Господин финансовый директор устроился рядом с шофером, я сел сзади, промеж двух новгородских дружинничков. Под курткой у того, что сидел справа, прощупывалось что-то твердое и длинное – ручной пулемет или – бери выше! – базука.

Салон «Мистраля» был широк и высок, но просторным сейчас совсем не казался. Мебели было многовато – пара шкафов рядом со мной да еще водитель, тоже комод не из последних. В сравнении с этой троицей мы с Керимом выглядели как две тумбочки для постельного белья: одна повыше и постройней, другая – пониже и пошире. Но все-таки тумбы, а не шкафы, считались главными: их охраняли, их берегли, а пуще того чемодан, упакованный в первую тумбочку. Да и то сказать – пол'рра лимона, как-никак!...

Водитель дал по газам, и мы рванули. «Мистраль», похожий на боевую машину пехоты, с гулом и грохотом рассекал атмосферу; она, побежденная, стонала и выла за кормой, разорванная в клочья. Широкие шины подминали снег, мощно урчал мотор, поскрипывали сиденья натуральной кожи, и всякий встречный, поперечный и продольный шарахался от нас как от чумы. Словом, берегись, мелюзга, – стопчем!

До моего дома на углу Дунайского и Будапештской мы домчались за девять минут двенадцать секунд и тормознули на углу, не заезжая во двор. Уже почти стемнело. Снег больше не падал.

– Вылэзай, – сказал Керим, поворачиваясь ко мне.

– А ближе не подъедем?

– Нэт. Нэ надо, чтоб видэли, на чем ты приехал. Йа зайду с тобой, а Ныколай с Борысом принэсут кэйс.

Нелишние предосторожности, подумал я, вспомнив о глазастых дворовых бабках и вороватых тинейджерах. Возможно, гуляли у нашего дома и другие люди, у коих керимов драндулет, вкупе с чемоданом, вызвал бы нездоровое любопытство.

Николай – тот, с гранатометом под курткой, спросил:

– Парадная на замке?

– Да. Код шестьсот десять. Нажать разом три кнопки.

– Нищий у тебя замок, – проворчал Николай. – Даже куска не набрать.

Мы с Керимом покинули бронеход, обогнули угол дома, прошли под аркой и направились к подъезду. Филенку еще не вставили, так что кодовый замок был чистой условностью – в дыру под ним мог пролезть любой и каждый. Почти любой – все-таки у Николая были выдающиеся габариты.

Белладонна приветствовала нас сдержанным урчанием. Керим искоса взглянул на нее, сбросил дубленку на диванчик и прошелся по коридору, небрежным хозяйским жестом отворяя двери. Потом спросил:

– Адын живешь?

– С кошкой.

– Правылно, – одобрил мой работодатель. – Пака маладой, нада жит адын. Бэз баб.

– Тяжко без них, – признался я.

– Прыводи! Хот каждый ночь. Будут денги, будут и бабы.

На этом наша дискуссия закончилась: Николай с Борисом приволокли чемодан и, вручив его в хозяйские руки, уселись покурить в прихожей. Белладонна неприязненно осмотрела их, задрала серый хвост и с гордым видом удалилась на кухню. Я проводил господина Ичкерова в комнату, к тришкиному столу, и активировал компьютер.

Раскрыв чемодан, он вручил мне пакетик, лежавший сверху.

– Твое. За январ.

Затем выгрузил шесть коробок с аккуратными надписями, пять составил штабелем в кресло, а последнюю водрузил на стол. Пометка на ней гласила: «US. \$1 500 000». На остальных емкостях числа были такими же, но география – иной: Сингапур, Гондурас, Польша, Швейцария и еще что-то непонятное – Фанора или Факора. Я такой страны не знал.

Керим пошевелил усами, хлопнул по штабелю в кресле короткопалой ладонью и распорядился:

– Эти оставлу на нэделу. Толко ты поосторожнэй – людям нада вернут. Это, – он показал на последнюю коробку, – сдэлай сечас, бабай.

– Сдэлаю, шашлык, – сказал я и раскрыл коробку.

Там лежали пятнадцать тугих серо-зеленоватых пачек, новенькие стодолларовые банкноты, и с каждой сурово взирал на меня президент Франклин. За всю свою жизнь я не видел такого богатства наличными; наличность в местах цивилизованных не в почете и демонстрировать ее – признак дурного тона. Есть карточки, есть чеки, есть «Вестерн Юнион»... За океаном живые деньги медленно, но верно, превращаются в раритет; бумажки никому не интересны, а монеты все больше выпускают юбилейные, вроде канадских авиационных долларов.

Есть, однако, свое нездоровое очарование в наличных...

Керим испытующе уставился на меня, но я и бровью не повел: взяв первую пачку, вложил ее в приемный паз трейлера, уже подогнанный к размерам банкноты. Трейлер не стоит путать с трейлером, бойлером и бройлером; в бройлере, к примеру, выращивают цыплят, а в трейлере – информацию, Это устройство заменило всевозможные сканеры, принтеры и магнитофоны; с его помощью можно ввести в компьютер и перекачать на диск любые изображения, равным образом как и вывести их – на бумагу, пленку или магнитный носитель. Благодаря щедрости гарантов трейлер у меня был наивысшего класса: книжки по восемьсот страниц считывал за минуту.

Зеленые пролетели со свистом, и каждый подмигнул мне овальным зрачком с физиономией президента Франклина. Я сунул в паз вторую стопку, затем – третью и четвертую, наблюдая, как на экране, параллельно с формированием входных массивов, плавно сдвигаются указатели – каждый в своем окне, голубом, желтом или оранжевом. Эти массивы являлись многомерными матрицами, причем желтая и оранжевая хранили вид купюр с лицевой и оборотной стороны, а в голубой фиксировалась картинка «на просвет», позволявшая уловить нюансы, связанные с водяными знаками, текстурой бумаги, запрессованной в нее станиолевой полоской и другими заокеанскими хитростями и прибабасами. Формирование матриц было лишь начальной стадией моих трудов; на следующем этапе аналитический модуль Джека произведет селекцию, выделит явные признаки и

займется классификацией. А после мы доберемся до признаков тайных...

Тройлер стремительно пролистал пятнадцатую пачку, в стереоколонках раздался мелодичный звон, указатели в окнах сдвинулись вправо, сканирование закончилось; теперь диск данных хранил подробнейшую информацию о пятнадцати тысячах купюр. О настоящих долларах. Прочие, поджидавшие в кресле, этим похвастать не могли.

Керим любовно упаковал зеленые в коробку и упрятал ее в чемодан.

– Через неделю пришло Ныколая. Он заберет картинки.

Я кивнул. То, что лежало в кресле, действительно было картинками, шедеврами подпольного искусства разной степени достоверности и правдоподобия. Где «гаранты» откопали их? Я был не настолько наивен, чтобы задавать подобный вопрос. Ask no questions and be told no lies, говорят англичане; не спрашивай, и тебе не солгут. Кстати, и глотку не перережут.

Когда Ичкеров удалился вместе со своей командой, я заглянул в конвертик, где лежало «мое, за январь». Вдвое больше, чем за «дэкабр и ноябр»; видимо, намек, что от меня ждут небывалых трудовых подвигов.

Я спрятал конверт и убрал коробки с кресла под тришкин стол, с глаз долой. Через пару часов ко мне пожалует инспектор налоговой полиции, а нюх у него как у ищейки – точь-в-точь доберман-пинчер, только на двух ногах... Вспомнив об ищейках, я вызвал своего стража-Добермана, вспомогательный джеков модуль, и ввел адрес сашкиной машины. Пусть только попробует выйти в Сеть!

Засим я отправился на кухню, готовиться к дружеской встрече. Белладонна сидела на табуретке и умывалась; нижние лапки обнимал серый хвост, передние вылизывал розовый язычок. В такой позе она напоминала алебастровые изваяния священных кошек, виденные мной в каирском музее, – их извлекли из захоронений трехтысячелетней давности. Но Белладонна была теплой, мягкой, живой. Я погладил ее по спинке.

– Мы при деньгах, красавица. Пожалуй, вместо минтая куплю тебе трески... или даже окуня. Ты ведь любишь окуньков? Я думаю, окунь повкусней трески?

– Мяууу, – согласилась Белладонна, облизнувшись.

*С людьми ты тайной не делись своей,
Ведь ты не знаешь, кто из них подлей.
Как сам ты поступаешь с божьей тварью,
Того же жди себе и от людей.*

Омар Хайям. Рубаи

Мой ханд-таймер просигналил восемь, и тут же раздался звонок от дверей.

– Кто там?

– Железный Феликс с Иудушкой Троцким.

Я отворил. Бянус начал отряхивать снег с шапки, а Алик тут же полез обниматься, молодецки ухая и хлопая меня по спине огромной ладонью.

– А кто тут у нас старшой лейтенант? – гудел он сочным баритоном. – Кому это фарт привалил? Кто ж это буром прет в начальники? Кого мы сегодня почешем за ушками?

– Кошку мою почешешь, следак, – отвечивал я. Симагин стащил пальто размером с небольшой парашют и повесил на вешалку. Вешалка крякнула, но устояла.

– Я не следак, – сообщил он, отдуваясь, – я полицейский инспектор в чине майора. Я ловлю, а не разговоры разговариваю.

– То-то ты сегодня такой молчаливый, – заметил Сашка, копаясь в своем портфеле. Там что-то мелодично позвякивало.

Мы прошли на кухню. Белладонна милостиво дозволила Алику пощекотать брюшко, Бянус водрузил на стол две бутылки «Политехнической», а я с облегчением вздохнул. Две бутылки на троих не так уж много... С другой стороны, портфель у Бянуса был огромен, и в чреве его могла уместиться канистра со спиртом.

Я не любитель горячительного, что портит временами все удовольствие от наших посиделок – по крайней мере, для меня. Сашка и Алик выпивают, и стол для них без бутылки не стол, а пустыня Сахара, хоть с оазисами хлеба, шпрот и ветчины, но лишенная всяких живительных источников. Однако я терплю и даже прикладываюсь к этим источникам, дабы не смущать гостей и поддержать компанию. Чем не пожертвуешь ради близких! Даже спокойствием в желудке.

Встречаемся мы регулярно, и тому есть множество причин. Во-первых, дружим мы четверть века, с нежного семилетнего возраста; правда, в первом классе мы с Сашкой дрались, а Симагин нас разнимал, щедро раздавая оплеухи. Во-вторых, учились мы в одном университете, хоть ездили в разные места: Сашка – на стрелку Васильевского острова, Алик – к Смольному, где размещается юрфак, а я таскался в Петергоф, куда в семидесятых годах переселили естественно-научные факультеты.

Но так ли, иначе, закончили мы одну и ту же школу и одну и ту же университетскую альма-матерь, как говорит Сашка. И жили они поблизости: Бянус – на Будапештской, в пяти минутах ходьбы от меня, а Симагин чуть подальше, на углу Дунайского и Купчинской. Вот и третья причина, очень важная, надо сказать: путь домой под газом был для моих друзей

недолог. В-четвертых, все мы оставались холостыми, и только Бянус мог похвастать полным родительским боекомплектom; я – круглый сирота, а Алик жил с матерью.

На самом деле его зовут Олег, но это имя легко трансформируется в Алика и дальше – в Аллигатора. Он мужчина мощный, героического сложения, уверенный в себе, с крупными чертами, вставной хромированной челюстью и львиной бурой гривой. Мне кажется, при одном его виде злодеи должны трепетать и во всем сознаваться, и в бывших, и в будущих грехах. Жизнь у него нелегкая, но полная приключений; после юрфака он служил в ОБОПе^[14], потом, окончив вечерний экономический институт, перешел в налоговую полицию. Несмотря на суровость полицейских будней, парень он компанейский, любит зверье, детишек, обожает вкусно поесть и петь песенки под гитару.

Сашка-Бяшка, едкий, тощий, желчный, полная ему противоположность. В школе его гордую фамилию Бранников переделали в Баранникова, а потом просто в Бянуса-Барана, но к баранам он совсем не относился. По характеру он был совсем не баран, а ядовитый скорпион или лернейская гидра, правда страдал слабостью к женскому полу.

Вот и сейчас, деловито раскупоривая бутылки, он принялся толковать про очередную свою пассию, Верочку с психологического, то ли аспирантку, то ли ассистентку, но отнюдь не синий чулок, а скорее колготки «Омса». Во всяком случае, именно в них Верочка покорила Бянуса, и теперь он прозрачно намекал, что мне пора развеяться, прогулявшись ближайшим вечером в театр. Но я держался стойко.

Мы разлили по первой, и Алик предложил тост за хозяина дома:

– Чтоб на твои погоны звездочки падали почаще и были покрупней!

Мы выпили, и Бянус завистливо сказал:

– А я вот все в лейтенантах хожу... Не любят в военкоматах историков!

– Раз ты младший по званию, будешь открывать сардины, доцент, – распорядился Алик.

– Может, лучше – разливать, майор?

Симагин ухмыльнулся, показав отличные вставные зубы.

– Увянь, штафирка! Не стучи кадыком! Разливают всегда майоры, а не доценты с лейтенантами. Те только открывают.

Он потянулся к бутылке и налил – под восхищенный шепот Сашки:

– Ну и майорский глаз! Глаз-ватерпас! Прямотаки исполин духа и корифей!

Мы выпили по второй, за вечную дружбу, и Алик с Бянусом закурили. Я не курю и потребляю в меру, как говорилось выше; просто идеальный муж, да вот никто меня не берет... Хотя если вспомнить о Танечке, о Нэнси и Гите... На Гите я чуть не женился, но она, отучившись в Штатах, собиралась вернуться в Германию, в Марбург, что противоречило всем моим планам.

Алик стряхнул пепел в блюдце и, взглянув на Бянуса, спросил:

– Как поживаешь, доцент? Как там твои шнурки от индейских сандалий? Крыша от них еще не поехала?

Сашка пожал плечами.

– Чтой-то у тебя интерес к индейцам проснулся, майор? Накрыл банду апачей? Или гуроны налогов не платят?

– Интерес у меня не к индейцам, а к тебе, – солидно пояснил Симагин. Затем подумал и добавил: – Насчет индейцев я тоже любопытствую, доцент. Какой в них, скажем, нынче толк и смысл? Взять хотя бы ту же майя-мафию... О чем записано в их узелках? Пыхтишь ты над ними, пыхтишь, а может, там одни имена усопших от жреческого беспредела, и пользы от

этого, за давностью лет, никакой. Вот если б ты разузнал что-то толковое... скажем, что они пили и чем, понимаешь, закусывали?

– Я занимаюсь сейчас не майя, а инками, – уточнил Бянус. – И я без всяких узелков могу сказать, что были они аскеты и трезвенники – по причине полного коммунизма в их славной державе.

– Тяжелый случай, – прокомментировал Симагин. – Ну а с узелками как все-таки дела? Помнится мне, у инков был строгий учет и контроль... Вот и хочу я узнать, как они брали за хобот налогоплательщиков. Переключка поколений, что ни говори!

– Вроде бы один налоговый инспектор другого инструктирует, как лучше с народа шкуру содрать, – съязвил Бянус. – Но меня такие вещи не кольшут; при моем-то окладе много не сдерешь, так что поведу без утайки, когда узнаю. Может, скоро и узнаю. Сегодня, видишь ли, Серый мне программку приволок, собственного изготовления. Я ее уже и опробовал... Зверь программа! Что-то получилось, а что – непонятно... Сплошная туманность Андромеды!^[15]

– Смотри в инструкцию, чайник, – сказал я. – В инструкции все написано. На русском, без всяких узелков.

– Это верно, – согласился Алик. – Инструкции для того и пишутся, доцент, чтоб в них глядели. – Он погасил сигарету, подцепил на вилку кусок датской ветчины и обнюхал его с видом заправского гурмана. – Ну а что еще у нас новенького? Кроме нашего старшего, цыпочки Верочки и зверской программки?

Пришел мой черед делиться новостями. Я мог бы поведать кое-что занимательное – скажем, о миллионах фальшивых долларов, что лежали у Тришки под столом, – но не всякую тему можно обсуждать с историками и полицейскими. Особенно с полицейскими; Алик бы меня, разумеется, не продал, но сильно бы взволновался.

И потому, приняв самый сокрушенный вид, я сказал:

– Семинар мне сегодня пришлось пропустить. Важное заседание. Предзащиту.

Симагин приподнял брови.

– Свою, что ли? Докторской?

– Чужую. Есть у нас в НИИKe ценный кадр... Моделирует иерархические связи в сообществах волков, гиен и кроликов. С целью охраны окружающей среды.

– Полезное начинание и с биологическим уклоном, – подал реплику Бянус. – У нас вот один тоже защищался – то ли по истории, то ли по герпетологии, сразу не въедешь.

– Это как же так? – заинтересовался Алик, разливая по третьей.

– А вот так! Выяснял он породу змей на голове у Горгоны Медузы. В плане географических познаний древних. Если б, к примеру, удалось доказать, что змеи те были анакондами, то значит, греки плавали в Южную Америку...

– ...а если кобрами – то в Индию, – добавил я.

– Вот-вот, мысль ты верно уловил, – оживился Бянус, приподнимая емкость. – Так выпьем же за человеческое хитроумие, за мощь научного познания, что наводит мосты от кибернетики к шакалам, от шакалов – к анакондам и дальше – к истории, царице всех наук!

Он опрокинул рюмку, а я чуть-чуть пригубил и заметил:

– О шакалах речи не было. По-моему, упоминались волки, гиены и кролики.

– Я выпью за кроликов, – откликнулся Алик. – Кролик, тушеный в сметане, очень даже ничего, без всяких диссертаций... Я бы над ним клювом щелкать не стал.

Раскрасневшийся Бянус поднялся и полез к форточке, приговаривая: «Накурили, душно,

аж жуть... а здоровье народа надо беречь, оно принадлежит народу... народу нужен простор... народ любит выпивать и закусывать на свежем воздухе...» То был верный признак, что пора переходить к песням; и, взглянув на Алика, я отправился за гитарой, размышляя по дороге о разных разностях.

Например, о том, почему оба мои друга не женаты. Симагин по этому поводу рассказывал всякие байки из голливудских фильмов: мол, жил себе полицейский, и было у него две жены и по отпрыску от каждой, и с обеими он развелся из профессиональных соображений, хоть любил их до безумия. И вот гангстеры-плохиши похищают то одну жену, то другого дитятю, а наш полицейский вертится, как ерш на сковородке: надо ему свой гарем спасти и деловых прищучить, и от всех этих забот у него уже вальты гуляют. Отсюда резюме: коль повенчался с законом, больше в загс ни ногой. Как говорится, если у вас нету тети, вам ее не потерять.

Но это все сказки, шутки, прибаутки. Истинные причины другие: Алик трудится до седьмого пота в своем налоговом ведомстве и не бывает в тех местах, где пасутся невесты, а Сашка, при всей своей любвеобильности, рад бы в рай, да грехи не пускают. Главный же грех – скудный доцентский приварок, с коего семью не пропитаешь и тем более не оденешь, не обуешь. Как говорил отец, у нас в России доценты с кандидатами пребывают в вечной погоне за водителями автобусов – в смысле зарплаты. Но теперь водители окончательно победили. Быть может потому, что автобусы ездят быстро и пешком их никак не догонишь?...

Я принес гитару, и Алик, коснувшись струн, вдруг подмигнул мне, словно спрашивая: ну о чем спеть, бой-фраер, задушевный старый друг? О парусах ли бригантины, что тают в дымке южных морей под золотым солнышком?... Об атлантах, что держат тяжесть мира на своих плечах?... О дилижансе, что мчится сквозь ночь и ветер, грохоча колесами по булыжной мостовой?... Или о красавице-принцессе, о которой мечтает каждый из нас, да так и не встретит ее никогда, разве лишь в жизни вечной... Но это были старые песни, а мне хотелось новых.

Сильные пальцы Алика шевельнулись, зазвенела гитара, и родилась мелодия. Потом – слова...

Не упрекай меня, друг мой,
Что наши встречи позабыла,
Что только рук своих кольцо
Тебе на память подарила.
Мы обручились тем кольцом,
Судьбу свою благословляя,
Но сердце, что любви полно,
Я в скит далекий отправляю.
Я знаю, что в вечерний час
Ты обо мне взгрустнешь немножко,
И ляжет на твое плечо
Другая нежная ладошка... [\[16\]](#)

– Хорошо! Созвучно вечным темам, – сказал Бянус, когда растаял последний аккорд, и налил всем по четвертой. – Женщина, видно, написала... Давайте-ка вздрогнем, парни... За

автора!

Мы поддержали тост; Сашка с Аликом выпили, а я, по слабости здоровья, пригубил. Затем Бянус поинтересовался:

– Чья песня-то, майор?

– Музыка народная, а слова... – Симагин замялся. – Слова, и правда, одной женщины.

– Познакомишь? – деловито спросил Сашка.

– Ты не в ее вкусе, доцент... да и возраст у тебя не тот, чтобзнакомиться с такими женщинами. Сосунок ты против нее.

– Сосунок так сосунок, – согласился Бянус. – Младые лета мой имидж не портят.

Завершились наши посиделки в двенадцатом часу, и я, умывшись холодной водой, ощутил прилив бодрости, коим всегда сопровождается общение с друзьями. Кухня напоминала склад боеприпасов после налета вражеской авиации, но я быстренько все прибрал, свалив посуду в мойку, а пустые бутылки и банки – в мусорное ведро. Затем слегка поколебался, но решил Тришку не беспокоить: включил телевизор и сел на диван с Белладонной на коленях, чтобы приобщиться к последним событиям по старинке.

Про электронный полтергейст и лазер, обстрелявший Луну, не было сказано ни слова; эти новости поблекли на фоне иных сенсаций, одна другой тревожней и печальней. Казалось, мир постепенно сходит с ума, катится в тартарары, подчиняясь какому-то злонамеренному градиенту, что с неизменностью пророчил конфликты, а не согласие. На Ближнем Востоке играли в жмурки израильтяне и арабы: то садились за стол поговорить и выпить чашку кофе, то бросали друг в друга кофейники с тротиловой начинкой; на Дальнем Востоке Китай ввел шесть дивизий в Северную Корею и аннексировал кое-какие территории у дыркачей, так что теперь из Владика до китайских постов доплюнул бы полудохлый верблюд; албанцы, при попустительстве натовских миротворцев, опять сцепились с сербами, а Ирак, оправившись от последнего нашествия янки, воевал с Ираном. Конечно, в Персидском заливе дежурил третий американский флот, готовясь долбануть в любую сторону, где запахнет чем-нибудь террористическим. Но главным событием дня был аргентинский проект оттяпать у Британии какой-то спорный остров размером с суповую миску; аргентинцы острили мачете и дудели в трубы, а британский авианосец со всем подобающим эскортом дрейфовал у Гибралтара. Впрочем, не исключалось, что все это мелкая провокация и авианосец повернет не на запад, а на восток, к Персидскому заливу, дабы америкосы не скучали у нефтяных берегов в грустном одиночестве.

Наша бывшая великая отчизна, во всех своих составляющих частях, тоже тряслась как в лихорадке. Дальневосточный регион, объявив себя свободной республикой, вышел из Федерации и пребывал с ней в вооруженном конфликте; Прибалтика пыталась доказать, что проживет без России и русской нефти; нефть каспийскую делили по обоим морским берегам, равно как и нефтепроводы; в киргизских степях вспыхнула эпидемия – может, ящура, а может, чумы; в Таджикистане женщины бросались в огонь, прихватывая с собой детишек; донские казаки мечтали спасти матушку-Русь, но денег, чтоб экипироваться пристойным образом, у них (не хватало. Впрочем, денег не имел никто, а менее всех – Белоруссия с Украиной. Первая жаждала воссоединиться с кем-нибудь богатым и щедрым, а вторая собиралась что-нибудь продать – Донбасс, черноморский флот или развалины Чернобыля – и тем отсрочить финансовый катаклизм. Что касается флота, Россия хотела б его выкупить, но лидеры «Громады» занимали твердую позицию: кому угодно продадим, только не москалям! Грядущая катастрофа была им на руку; катастрофы вообще самое

удобное время, чтоб под шумок захватить власть.

К счастью, в нашей богоспасаемой России совсем уж непримиримых не имелось, и потому президент с парламентом могли порезвиться в свое удовольствие, не опасаясь, что явятся дяди с разбойными рожами и рывкнут: кто тут временные?... слазь! Президент, согласно святой Конституции, крепил властную вертикаль и издавал указы; пропрезидентские фракции в Думе пели осанну мудрому лидеру, а левые из Нью-Коминтерна, стакнувшись с ХЛР и демократическим фронтом «Персик», грозили главе государства импичментом. Но дело до этого не доходило; влиятельные финансовые структуры (они же – истинные хозяева) умеряли страсти, подкидывая мятежным депутатам то квартирку, то соблазнительных девочек, то загогулистый автомобиль вроде керимова «Мистраля». Пока Дума играла в подкидного, чеченская мафия взрывала мирных граждан, в Тюмени бились за губернаторский пост при помощи минометов, учителя и медики подтягивали пояса, шахтеры бастовали, офицеры бунтовали, пенсионный фонд терпеливо ждал, когда его клиенты вымрут естественным путем, а бои под Хабаровском велись с переменным успехом.

Но все же это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в Крыму. Там сошлись в схватке сразу несколько сил: части украинской армии, крымский парламент, который поддерживали русские и украинцы-крымчаки, севастопольцы (эти боролись за статус вольного города) и татарский меджлис. Кроме того, были боевики-громадяне; по утверждению их вождей, они спасали Украину от татар, но резали всех, не вдаваясь в национальные подробности.

Так оно и бывает; убьем татар!... – кричит некто. – Убьем жидов, убьем чеченцев, убьем арабов, убьем черных, белых, желтых!... Но первым делом прикончим всех своих, каждого выроodka и ренегата, что сочувствует татарам и жидам, чеченцам и арабам, черным, белым, желтым!... Знакомые шгучки; на них я насмотрелся повсюду, в Америках и в Европах... Хороший черный – мертвый черный! Иудеи, убирайтесь в Израиль, пока мы вас тут не повесили! Выпустим кишки белым свиньям! Перекроем кислород косоглазым!

Так вот, о татарах, моих пращурах с материнского бока... Если русские былины не врут, татары – народ коварный, кровожадный и сребролюбивый; грабят всюду, а в свободное от разбоя время пьют кумыс и затевают половецкие пляски. Временами я думаю, что это могло быть правдой в эпоху Ильи Муромца, но нынче татарин татарину рознь. Это не единый народ, а много разных народов; есть татары крымские, казанские и пензенские (эти зовут себя мещерами), есть сибирские и астраханские, есть ногайцы, смуглые, узкоглазые и плосколицые, которые тоже вроде бы татары. Один мой прадед был пензенским татаринком, жил себе в мире, учил детишек и разводил сады, а другой, согласно семейному преданию, происходил из крымчаков. Этот отличался воинственностью и, как рассказывала бабка, не расставался с кривым ножом. Не знаю, кого он там резал в своем девятнадцатом столетии – может, продажных царских чиновников?

С печалью я смотрел на экран, где что-то взрывалось и горело на фоне вечнозеленых кипарисов. Любопытно, как к таким эпизодам отнесутся наши потомки? Что подумают о нас, что скажут? Что напишут в своих исторических трудах?...

Впрочем, история, не в пример кибернетике, наука темная, конъюнктурная. Продажная девка царизма с социализмом! Как-то я спросил у Бянуса, отчего он занимается инками, майя да ацтеками, а не чем-нибудь поближе и понаваристей – скажем, завоеванием Сибири Ермаком или сексуальной жизнью князя Всеволода Большое Гнездо, Сашка признался, что

родная история «смутна еси»; не история, а три мушкетера двадцать лет спустя. Вот, к примеру, вопрос: кем был Петр Первый, гением и реформатором или ничтожеством и тираном?... А вот другой вопрос: кто такие декабристы? То ли военная хунта, то ли радетели отечества... Или, скажем, какие такие татаровья изгалялись три века над Русью?... Может, и не татары то были, а свои?... Так сказать, доморощенные кровопийцы?... Смутно, все смутно! А как же иначе? Русский народ, говорил Бянус, великий народ, и ошибки у него великие, и туман над теми ошибками густ и становится гуще из века в век – в полном соответствии со сложностью национального характера. А вот атцеки и майя были людьми простыми, без всяких изысков и кандибоберов; резали глотки на пирамидах да сочиняли календарь. Еще баскетбол уважали... А те, кто проиграл, с горя топились в колодце. Все ясно, понятно, и никаких тебе тайн, опричь узелкового письма...

Белладонна задремала, пригревшись на моих коленях, но тут новости закончились, грянул бодрый марш, на экран выскочили клоуны, и пошла реклама. Кошка моя мяукнула в панике, потом, сообразив, что конец света еще не пришел, уставилась в телевизор. А я – на нее; временами так забавно понаблюдать за реакцией Белладонны.

«Молоко вдвойне вкусней, если это милкивей!» – донеслось до нас, и моя кошка облизнулась. Молоко и сметану она уважает не меньше рыбки, но самое любимое лакомство – куриные потроха. Любимое, но редкое; кур нынче продают потрошенными, не учитывая кошачьих интересов.

«От Парижа до Находки «Омса» – лучшие колготки!» – рывкнул телевизор, но этот призыв оставил Белладонну равнодушной – колготок она не носила, в отличие от бянусовой Верочки. Тут же началась реклама под девизом: «Педигри – рекомендуется ведущими собаководами!» – и на мордочке Белладонны изобразилось презрение. Подумать только, что едят эти псы!... С такой же презрительной миной она разглядывала здорового рыжего кота, уминающего китикет. Она будто бы говорила: ты что же, лохматый ублюдок, рыбки за всю жизнь не пробовал?... А когда раздалось сакраментальное «Китикет – здоровый кот без всяких хлопот», Белладонна с возмущением мяукнула. Мол, как же так?... Без хлопот – значит без любви; а если хозяин не любит, откуда же взяться здоровью?...

– Насмотрелась? – спросил я. – Ну так хватит глядеть на всякие ужасы. Аппетит потеряешь, рыбка в горло не полезет.

Выключив телевизор, я поднялся, прижимая к груди мягкое теплое тельце, и пошел спать.

* * *

Четыре года назад, когда я, вернувшись к родным пенатам, определялся с трудоустройством, выбор был на редкость велик. Не как при советской власти, в отцовы времена; таких «инвалидов», как он, не брали ни в вуз, ни в «ящик», ни в приличный институт. Но с той доисторической эпохи миновала целая вечность, евреев и вообще ученых в России поубавилось, а в Штатах и Израиле прибавилось, по каковой причине искусства и науки у нас не процветают. Ну что ж, зато появились «новые русские».

Я, кстати, по паспорту тоже еврей, но в наше смутное демократическое время этот факт

меня не ущемляет и не эпатирует кадровиков – ни в Физтехе, ни в СПбГУ, ни в иных местах, что хоронились раньше от нашего брата на семь замков с парткомом. Теперь все они жаждали взять на работу молодого перспективного «пи-эйч-ди», отучившегося в Саламанке, штат Огайо, знатока языков и обычаев, с заокеанскими связями и петербургской пропиской. И никого из них не волновало, что я такой экзотический фрукт: частью татарин, частью еврей, а частью неведомо кто – может, орангутанг с острова Бали.

Словом, вариантов было много, но я остановился на университете. Во-первых, альма-матерь, как-никак; а во-вторых, ради сатисфакции и поддержания семейной чести: отца моего в начале семидесятых выперли из университетского НИИФа, лишь только он успел закончить аспирантуру. А я, его сын и наследник, мог выбирать между НИИ физики, НИИ математики и НИИ кибернетики. И мог получить там любой оклад – сорок или даже пятьдесят баксов в валютном исчислении! Поистине, демократия означает справедливость!

Я пошел на работу в НИИК, в лабораторию распознавания образов, или ЛРО, как ее называли. Причины для такого выбора существовало две: во-первых, заведовал ЛРО (и кафедрой с тем же названием) милейший старик Вилен Абрамович Эбнер; а во-вторых, наш институт располагался на исконно университетской территории, на стрелке Васильевского острова. Все остальное, имевшее отношение к физике, химии и математике, было выселено за Петергоф, на станцию «Университетская», куда я и ездил шесть с половиной лет, будучи студентом физфака. Ездил и наездился; теперь мне хотелось работать тех краях, куда можно добраться в теплом метро, а не в ледяной электричке.

К счастью, за четыре аспирантских года я ухитрился обзавестись двумя степенями, по квантовой физике и математическому программированию. В последней своей ипостаси я занимался кластерным анализом, а это одна из главных проблем распознавания образов. Итак, я мог продолжить свои штудии у Вил Абрамыча – тем с большим основанием, что тематика моя была комплексной, имевшей равное отношение и к физическим проблемам, и к структурной химии, и собственно к программированию.

Я пытался создать единую классификацию химических веществ. Не элементов Периодической системы, которых всего-то чуть больше сотни, а всевозможных соединений, минералов, сплавов, искусственных материалов – словом, всех многообразных атомарных конструкций, какие известны человечеству. Кстати, никто не знает, сколько их на самом деле; в компьютерных банках спектральной и структурной информации зафиксированы сведения о трехстах тысячах веществ, но их, возможно, миллион, или два, или три. Что же касается классификации, то существуют лишь грубые ее наметки: это вещество – органическое, а это – неорганика; это – полисахарид, а это – структура типа алмаза; это – соединение с бензольным кольцом, а это – из класса гранатов или шпинелей. Но чего-нибудь всеобъемлющего и столь же строгого и стройного, как Периодическая система, мы пока что не придумали.

А это было бы весьма полезно! Ведь всякая классификация обладает прогностическим свойством; иначе говоря, если в ней есть лакуны, то появляется шанс предсказать, что именно в этих пустотах должно размещаться. Вот вам торная дорога к целенаправленному синтезу новых веществ, та же задачка, какую подкинул мне хитрый старый Диш, только не в пример глобальнее. Ею я и занимался, вместе с Джеком и троицей помощников.

Наш НИИК входил в университетскую систему факультетов и научных институтов, являясь самым юным из них: его создали году этак в девяносто девятом. В прошлом веке, как мы шутили. Возможно, но причине малолетства, нас оставили на Васильевском, а не

выселили в петергофские джунгли; ведь за юнцами нужен глаз да глаз! Может, была другая причина – разместить большой институт в нашем корпусе не удалось бы, а вот для начинающих он подходил в самый раз. Занимались мы десятком проблем, распределенных среди лабораторий искусственного интеллекта, распознавания образов и программирования.

Если идти от набережной по Менделеевской линии, можно попасть на небольшую площадь Академика Сахарова, мощенную брусчаткой и стиснутую старинными домами. Место это знаменитое; справа – приземистый квадратный истфак, за ним – бывшая биржа, ныне – Военно-морской музей; слева – мрачноватые особнячки Оптического института, каждый в своем стиле и со своей историей; сзади – красно-белая стена Двенадцати коллегий, прямо – серое здание БАН, а за ним Академия тыла и транспорта. В ближайших окрестностях есть и другие диковины и чудеса: Кунсткамера и Зоологический музей, Ростральные колонны, Дворцовый мост, дворец опального князя Меншикова, сфинксы и Академия художеств.

Я всегда иду по Менделеевской до площади, с каждым шагом погружаясь в девятнадцатый век – а может, и в восемнадцатый; и это мне приятно. На площади я останавливаюсь, озираюсь и понимаю, что в Петербурге есть только *один* университет. Все остальные носители этого пышного имени – узурпаторы и нувориши! И политехники, и скороспелые менеджеры, и профсоюзные обиралы. Все они – клубника в чесночном соусе, коктейль из денатурата с лимонадом! Мало назваться университетом; университет – это традиции, это великие умы, творившие здесь сто и двести лет назад; это, наконец, стены – пусть обшарпанные и ветшающие, но видевшие блеск и славу, победы и поражения, события великие и ужасные...

Бывает, я уношусь мыслями в прошлое, к иным стенам, таким же древним, но сверкающим первозданной свежестью и чистотой. Саламанка, милая моя тихая Саламанка... Разумеется, не та, что в Испании, а та, что под Коламбузом, в Огайо... Самый древний заокеанский университет, не столь престижный, как Беркли или Йель, однако – самый древний...

И потому его берегут как зеницу ока, и учиться в нем почетно. Ведь в Штатах так мало старины! Собственно, держава эта моложе Петербурга, а Питер – всего лишь подросток среди древнейших русских городов. Как всегда, я увлекся. Воспоминания, фантазии, мысли, сравнения... Ими жив и тверд человек, ими и своей семьей. Но семьи у меня нет, и потому я часто вспоминаю и размышляю.

Теперь, если обогнуть здание Двенадцати коллегий, пройти тридцать метров по длинному университетскому двору и свернуть направо, мы попадем в НИИК. Небольшой особнячок, три этажа с мансардой, шесть окон по фасаду, первый этаж – коричневый, выше – желтое с пятью белыми накладными колоннами. Внизу – ни охраны, ни проходной; хочешь – ходи на работу, хочешь – не ходи. Я все-таки ходил. Временами.

Собственно, мое присутствие было необходимым лишь по вторникам, а в остальные дни я мог вкушать прелести свободного расписания. Первый и третий вторник у нас кафедральные семинары в Петергофе, второй и четвертый – семинары лаборатории, в уютном актовом зальчике НИИКа. Кафедральные семинары я не любил; там собирались преподаватели в годах, а среди них – профессор Оболенский, зам Вил Абрамыча по кафедре. Последнее время он поглядывал на меня испытующе, ревниво, словно приносиваясь к сопернику. Все-таки Эбнер старел, и вопрос, кто унаследует кафедру, являлся вполне актуальным.

Но сегодня была среда, а не вторник, так что мой визит в лабораторию полагалось считать большим сюрпризом. Или компенсацией за вынужденный вчерашний прогул. Сам я склонялся к первой точке зрения. Бездарность Лажевича и всех его зоологических потуг оправдывала меня.

Я проскочил маленький институтский вестибюль, куда выходили двери столовой и кабинетов программистов, поднялся на второй этаж (площадка искусственного интеллекта), а потом – на третий. Тут уже начиналась наша суверенная территория, и тут я наткнулся на Диму Басалаева – на Димыча, как звали его в кругу друзей. Но Димыч мне не друг, а всего лишь приятель, и от общения с ним я имею одно удовольствие, без всяких похмельных забот. Впрочем, за прошлый день было выпито немного, и голова у меня оставалась ясной.

Басалаев подпирал стену на лестничной площадке и дымил сигаретой. Это его обычное времяпрепровождение: что-то подпирать, стену или шкаф, и чем-то дымить. В последнем случае варианты были разнообразней – трубка, сигары, сигареты, папиросы и даже самокрутки. Димыч курил все, что курится, кроме марихуаны; на марихуану у него не хватало отваги. Он упорно добивался от меня подробностей на этот счет, полагая, что за океаном наркотой торгуют на каждом углу и в каждой подворотне. Я его не разочаровывал, но советовал не размениваться по пустякам, а начинать прямо с героина.

– Ты где вчера пропадал? – осведомился Басалаев, щурясь сквозь облако дыма. – Где тебя черти носили, голубь ты наш? Не прибыл на передовую... Ай-яй-яй! Общественность тебя не простит!

Сняв шапку, я задумчиво почесал в затылке.

– Геморрой со мной приключился. Или атония сфинктера.

– Такая мелочь? Ха! И по этой причине наш главный калибр кантовался в тылу? – Он покачал головой, принял серьезный вид и спросил: – А если по правде?

– Если по правде, – тут я с гордостью выпятил грудь, – перед тобой человек с тремя звездами на погонах!

– Со звездочками-звездущечками, – уточнил Димыч. – В военкомат, что ли, дернули?

– Повестку предъявить?

– Не надо! – Он с небрежностью махнул рукой. – Зачем мне твоя повестка, Серый? Могу лишь тебя пожалеть: приобрел ты малое, а лишился ба-альшого удовольствия!»

– Это какого же? – спросил я, распахивая куртку и стягивая шарф; топили у нас этой зимой неплохо.

Басалаев затаился, выпустил дым через две ноздри, полюбовался результатом и сообщил:

– А мы вчера Лажу приложили. Без всякой тяжелой артиллерии и главного калибра. Собственными своими силами, вкуче с доцентом Ковалевым и при поддержке доцента Балабухи.

Ну развоевались, старички! – подумал я, впервые пожалев, что не явился на вчерашний семинар. Кажется, там случилось мамаево побоище – то есть не мамаево, а лажаево... или лажеево?...

– Долго он сопротивлялся? – спросил я, имея в виду побитого.

– Он-то недолго, а вот Вил Абрамыч... – Басалаев сделал неопределенный жест. – Собственно, шеф тоже не сопротивлялся, но увещевал... апеллировал к чувствам сострадательным и благородным... ты же знаешь, как он умеет... Мол, что ж вы, ребяташки, взбеленились, бьете своих, когда чужих полно? Зачем режете добра молодца?

– Лажевич – не добрый, – сказал я, сбросив куртку. – Когда остепенится, он нам всем еще покажет.

– Покажет, – согласился Димыч. – И нам, и всяким старшим лейтенантам.

Крыть мне было нечем, и я, изобразив раскаяние, отправился к себе на четвертый этаж, в мансарду. Там, в большой комнате (семь на восемь, с четырьмя окнами в эркерах) размещались мои подчиненные: аспирант Паша Руднев и два дипломника-примата. Происходили они не из африканских дебрей, а всего лишь с факультета прикладной математики; звали их Дик и Ник (по-русски – Денис и Коля); и были они – на мое несчастье! – братьями-близнецами, да еще из тех юных гениев, что спать ложатся с компьютером, а просыпаются с программой. Оба они носили очки, и, заполучив такое чудо, я потребован, чтобы оправа у Дика была темной, а у Ника – светлой. Еще я торжественно поклялся, что обрею одного целиком, а другого – наполовину, если они рискнут поменяться очками.

В комнате у нас по столу под каждым окном, и на них – четыре терминала; между моим столом и пашиным располагается «Байярд», довольно мощный комплекс, хоть до Тришки ему далеко; таких излишеств, как трейлеры, вокодеры и контактные кресла со шлемами, мы, по бедности, не держим. «Байярд», разумеется, подключен к Сети, и я на нем расчетов не веду; это машина для аспиранта и моих близнецов-приматиков. Я запустил для них третью версию Джека, с ней моя команда и играет: Паша занят графической кластеризацией, Дик – минералами, а Ник – веществами судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, они готовят входной массив для Тришки – вылавливают через Сеть данные о новых материалах, пропускают через блок селекции, преобразуют в нужные форматы и преподносят мне на диске.

Это очень неблагодарная и тягостная задача. Такого места, где хранилась бы опись всех известных человечеству веществ, пока не существует, и нам приходится «держат на связи» сорок разных баз. Важнейшие из них – в Кембридже (сведения о кристаллических структурах), в Филадельфии (дифракционные стандарты), а также в Бостоне и Токио (ИК, УФ и масс-спектры). Есть базы помельче, более специализированные; скажем Техасский компьютерный банк нефтесодержащих пород и производных нефти, база мессбауэровских спектров в Дели и, разумеется, собрания материалов, используемых в криминалистике, в астронавтике и физике ядра. Часть из них засекречена и пребывает под крылышком ФБР, Моссада, Беркли, НАСА и других подобных заведений. Не стоит интересоваться, как я туда пролез; Сеть есть Сеть, и, умеючи, можно выловить ею массу полезного.

А как речет мудрость Альбиона, *all's fish that comes to the net* – что в сетях, то и рыбка. Наша рыбка, позволю заметить.

Не успел я бросить куртку на стул, как мои сотрудники, вскочив, окружили меня. Паша Руднев ухмылялся, Дик с Ником, как положено дипломникам, подхихикивали аспиранту, и все трое выглядели так, будто удостоились самого вожделенного: Паша – кандидатской, а близнецы – магистерских степеней.

– Да-а... – произнес мой аспирант, закатив глазки.

– Да-а... – хором поддержали его приматики.

– Хо-хо! – продолжил Паша.

– Хой-мамай! – дружно откликнулись близнецы.

Я оглядел их физиономии, исполненные ликующей загадочности.

– Вообще-то утром надо здороваться, судари мои. И в этом случае от людей

интеллигентных надеешься услышать не хой-мамай, а что-то другое – хау ду ю ду, гутен таг или хотя бы хайль. Лично я против хайля не возражаю, если за ним не поминать одиозных личностей.

– Хайль шефу! – завопил Ник. – Пусть ему хоть это достанется, раз он не врубился в тему.

– Уже врубился, – сказал я. – Главная новость у нас такая: коалиция Ковалев-Басалаев-Балабуха провалила Лажевича.

Лица у них вытянулись. Мой тон сделался проникновенным, как у миссионера, мечтающего окрестить папуасов.

– Грех радоваться чужой беде, юноши. А еще больший грех радоваться напоказ. Так что помалкивайте в тряпочку и помните, что сказано поэтом: как сам ты поступаешь с божьей тварью, того же жди себе и от людей.

И вот тут они меня уели: переглянулись, усмехнулись, и Паша Руднев на правах лидера сказал:

– Мы, Сергей Михайлович, не тому радуемся, что Юрика завалили, а единственно торжеству справедливости. Что такое, в конце концов, Лажевич? Длинные уши, а между ними болтается длинный-предлинный язык... А справедливость – нечто гораздо большее. Разве не так?

Интересное выдалось утро! Второй раз меня приложили фейсом об тейбл!

Зазвонил телефон, и я, скрывая смущение, потянулся к трубке.

Это была Танечка: двадцать лет, рыжеватые кудряшки, милый вздернутый носик, соблазнительная фигурка плюс полная сексуальная раскрепощенность. Впрочем, на последнее обстоятельство мне жаловаться не приходилось.

– Сергей Михайлович уже прибыл? – проворковала трубка.

– Прибыл, – доложил я. – У телефона собственной персоной.

– Ты, Сережа? – Голос в трубке сделался еще нежней. – Вил Абрамыч просит тебя зайти.

В любое удобное время.

Удобное время было как раз сейчас, и я, буркнув: «Шеф вызывает» – повернул к дверям, спустился этажом ниже, проследовал коридором и вошел в крохотную приемную. Танечка одарила меня лучезарной улыбкой. Характер у нее был по-современному легкий; она влюблялась и расставалась с мужчинами, но не держала на них зла.

– Как он? – Я скосил глаза на дверь, что вела в берлогу Вил Абрамыча. Вопрос, в общем-то, лишний; Эбнер не относился к тем начальникам, что ставят подчиненных на ковер со спущенными штанами.

Танечка состроила озабоченную гримаску.

– Печален, Сережа. Хоть ты его не расстраивай.

– С чего бы? Я даже на вчерашний семинар не пришел.

– В том-то и дело, – с усмешкой Джоконды обронила Танечка.

Размышляя над этим замечанием, я шагнул в маленькую комнатку, заваленную книгами, рукописями и пыльными стопками журналов. Вил Абрамычу было под семьдесят, и относился он к старой научной породе: бумага была ему милей компьютерных дисков. Собственно, звали его не Вил, а Вилен^[17], и всю свою жизнь он маялся с этим именем. Раньше поглядывали на него косо: Вилен, а беспартийный!... Нынче поглядывали с иронией: надо же, Вилен! Но шеф, при всем своем добродушии, был человеком крепкой закалки, не помышлявшим о каких-либо метаморфозах – к примеру, в Вильгельма или в Вениамина.

Он поднял на меня выцветшие глазки, что прятались под седыми кустиками бровей, и кивнул на стул.

– Здравствуйте, Сережа. Присаживайтесь. Кофе хотите?

С этого начинался любой разговор с любым сотрудником, хоть с профессором, хоть с юным бакалавром. Вежливость Вил Абрамыча была столь же естественной, как зонтик в дождливую погоду; он точно знал, что надо делать, встречаясь с посетителем: поздороваться, предложить стул и кофе. Но руку он подавал не всякому.

Мы обменялись рукопожатием, и я устроился на краешке расшатанного стула. Вил Абрамыч, приподняв брови и сморщив лоб, с минуту разглядывал меня.

– Ходят слухи, что вы делаете успешную военную карьеру?

– Басалаев забегал? – ответил я вопросом на вопрос.

– Нет, не Басалаев. Он после вчерашнего весь день ко мне носа не кажет. Но Дима сказал Никитину, Никитин – Светлане Георгиевне, та повидалась с Танечкой... Слухи, Сережа, они как кривая Пеано – обладают свойством охватывать весь пространственный континуум с поразительной быстротой. Особенно в научном институте. Здесь люди не столько работают, сколько распространяют слухи.

– Отец мне другое говорил: что в истинно научных заведениях люди не работают, а уважают друг друга.

– Ваш покойный батюшка был безусловно прав: вовремя довести слух до начальства – значит продемонстрировать уважение к нему.

Мы расхохотались, и тут Танечка принесла кофе. Сегодня на ней было что-то пушистое, что-то среднее между джемпером и платьем: шейка прикрыта, а ножки открыты. Не все, разумеется – на пару ладоней выше колен. Но ладони были основательные, не меньше, чем у Алика Симагина.

Она покинула нас, и Вил Абрамыч, уставившись в чашку с кофе, заметил:

Вчера вы меня подвели, Сережа. Я имею в виду произошедшее с Лажевичем... – Он поднял руку, прервав готовые хлынуть оправдания – Только не говорите мне про свойвоенкомат! Я пробыл в старших лейтенантах четверть века и помню, что за этим званием мои коллеги не гнались. В отличие от иных степеней.

Пожав плечами, я отхлебнул кофе. Сварен он был отменно. Великая домохозяйка пропала в нашей Танечке!

– Ну пришел бы я, Вил Абрамыч, ну явился бы... Так что же? Ляпнул бы непечатное словцо про гиен, волков да кроликов и самого Лажевича... А может, не словцо, а целую речь закатил бы. И тогда...

Шеф вежливо прервал меня, подняв палец.

– Ваше отсутствие, Сережа, было красноречивее всяких слов. Знак пренебрежения, сигнал к атаке... Вот она и началась! И Юрия Анатольевича растерзали! Подобно стае волков, раз леопард не прибыл.

– Помилуй бог! Вы меня переоцениваете, Вил Абрамыч. Кто я такой? Руководитель группы, два дипломника да аспирант, три звездушки на погоне... Не Ковалев и не Балабуха, не говоря уж про Феликса Львовича... Ни кожи, ни рожи, ни авторитета.

Вил Абрамыч пошевелил седыми бровями.

– Вы, Сергей Михайлович, второе лицо в лаборатории на кафедре – именно вы, а не профессор Оболенский. Вы мой вероятный преемник, если говорить начистоту, так что исходите в будущем из этой диспозиции. Особенно в отношениях с коллегами... – Он

помолчал и добавил: – Не исключая Юрия Анатольевича.

Я чуть не подавился кофе. То, что Вил Абрамыч доживает свой последний срок в заведующих, было очевидным фактом, и хоть имя его преемника не называли, считалось, что им является Оболенский. Я как наследный принц вряд ли котировался. И вот надо же тебе!... Выходит, слухи ползают по институту, но не во всякое ухо шепчут.

А может, есть слухи разных категорий: одни – для Танечки и Светланы Георгиевны, а другие – для людей влиятельных и искушенных.

Тут я заметил, что шеф с деликатной улыбкой наблюдает за мной, и постарался придать лицу значительное выражение с легким оттенком благодарности. Собственно, на должность мне было наплевать, а вот обижать Вил Абрамыча не хотелось. Наверняка он выдержал не одну схватку в ректорате, сражаясь за мою недостойную персону. Чем я мог его отблагодарить? Только правдой. Или половиной правды – той, что касалась Лажевича.

– Не уживемся мы с ним, – сказал я. – Не люблю конъюнктурщиков и бездарей. Пусть был бы конъюнктурщик, так хоть талантливый...

Вил Абрамыч по-прежнему с улыбкой глядел на меня, не возражая и не возмущаясь. Потом спросил:

– Какого вы мнения о его работе, Сережа?

– Сдержанного. Тема любопытна, но факты общеизвестны, а их интерпретация похищена у биологов. Это они уяснили, на какие классы и группы делится звериный социум, что у волков, что у гиен... А Юрий Анатольевич навел только легкую математическую лакировку, да и в той дыры светят. Идей значительных нет и незначительных – тоже, но на каждой странице поминаются компьютеры и компьютерная обработка. Как заклинание... Будто компьютер умнее нас, и стоит его включить, как в электронных потрохах родится диссертация... – Тут я заметил, что шеф все еще смотрит на меня с улыбочкой, и разозлился. – Зачем я вам это рассказываю, Вил Абрамыч? Вы – старый мудрый человек, вы все это знаете лучше меня. Гораздо лучше!

– Знаю, – подтвердил он, – но смотрю несколько с иной позиции. Руководитель должен думать о будущем. А какое у нас будущее в эпоху повальной утечки мозгов? Не успеем выучить толкового специалиста, как он уже трудится в Германии или Финляндии, в Америке или Канаде... Кто же, спрашивается, будет преподавать у нас лет через десять? Возможно, никто, и это будет конец... – Он поиграл бровями и закончил: – По крайней мере, Лажевич никуда не уедет. Не возьмут! Останется в преподавателях, чему-то да обучит молодых... Вам с ним работать и работать, Сережа! А мне...

Вил Абрамыч смолк, не желая касаться болезненной темы; его сын и внуки давно обретались в Израиле, и он доживал свой век вдвоем с больной женой. Насколько мне было известно, потомки его вниманием не баловали, считая старым упрямым и ослом – ведь он не поехал с ними в края обетованные! Я его понимал. Он тоже был одинок, и одиночество его казалось самым страшным – ведь в нем не было места надежде.

Мой шеф встрепенулся и, будто подводя черту под предыдущим разговором, отодвинул недопитую кофейную чашку. Потом спросил:

– Кстати, а как у вас дела с докторской? Ваша последняя работа по классификации минералов произвела впечатление... особенно на геологов... Вполне кондиционный материал. И очень обширный. Хватит для диссертации.

Я кивнул.

– Для диссертации – да. Но минералы – всего четыре тысячи соединений, и без

синтетических веществ картина неясна, даже в том, что касается неорганики. Мне не хотелось бы торопиться, Вил Абрамыч.

Да, торопиться мне не хотелось. Я полагал, что надо проверить Джека, решив пару задач попроще – с долларами для моих «Хрумков» и с загадочными узелками для милого друга Бранникова. А после, когда Джек продемонстрирует свои таланты, наступит очередь глобальных проблем: единой классификации соединений и чего-нибудь еще, столь же впечатляющего, из области социологии или астрофизики. Планы у меня намечались обширные, но делиться ими с Вил Абрамычем было рановато. Он бы мог подумать, что я заразился гигантоманией; ведь мои замыслы в случае успеха обещали не докторскую степень, не скромную медаль Вавилова, а, как минимум, Нобелевку.

Шеф вздохнул.

– Не понимаю я вас, Сережа... Вы умны, дьявольски работоспособны, преданы науке и очень талантливы. Но чего-то вам не хватает... Здорового честолюбия? Ясной цели в жизни? – Он снова вздохнул и покосился на свои морщинистые руки. – Надо бы вам поторопиться, Сергей Михайлович... Я, знаете ли, не вечен...

Возвращаясь к себе, я размышлял о собственных недостатках.

Возможно, мне не хватает честолюбия и определенно – обаяния... Его ровно столько, чтоб Танечку либо Гиту очаровать, а вот с женщиной покруче, с Катериной или тем более с Инессой, меня ожидает фиаско. Полный облом, по правде говоря! На ниве честолюбия и обаяния... Так что отсутствие этих качеств я признаю, но вот что касается ясности цели, тут я с шефом решительно не согласен. Слишком долгое время он прожил по принципу: цели определены, задачи поставлены – за работу, товарищи! Вперед!

Отец же учил меня не становиться рабом своей цели – конкретной цели, ради которой человек, случается, жертвует жизнью. А ведь жизнь, счастливая нормальная жизнь, является наиглавнейшей целью! Но мы забываем об этом и рвемся к мелкому и пустому – к власти, богатству, должностям, степеням и к вечной славе, что отправится вместе с нами в крематорий... Не к одному, так к другому! Ибо, где нет ловушки для кроликов, уже расставлены силки для куропаток...

Так говорил отец, и я с ним полностью согласен: цель – жизнь, а счастье – в ее разнообразии и, разумеется, в свободе. Еще он добавлял: мы не столько сами выбираем путь, сколько судьба выбирает его для нас. Это не значит, что мой дад был фаталистом; он всего лишь хотел подчеркнуть значение внешних обстоятельств. Они, эти обстоятельства – асфальтный каток, прокладываемый перед нами дорогу, относительно ровную и прямую. Пойдешь ли ты по ней, говорил отец, или у тебя хватит порошу свернуть в джунгли?

Я бы не отказался. Только где они, мои джунгли, полные тайн и загадок?...

«Тсс! – сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. – Мы как раз подходим к опасному месту!»

«Цыц!» – сказал Иа страшным голосом всем родным и знакомым Кролика.

А. Милн. Винни-Пух и все-все-все

Когда я вернулся домой, плотник, матерясь, чинил двери.

Пришлось пробираться мимо него боком и с опущенными ушами. Не потому, что мне претит российская изящная словесность, но сейчас я был одним из тех подозрительных лиц, из тех раздолбаев и гадов, пидоров и засранцев, что в четвертый раз увлакивали многострадальную филенку.

И потому я молчал в тряпочку, пока плотник, не обращаясь ко мне лично, описывал ситуацию в нашем подъезде, сопровождая этот анализ выразительным комментарием «бля!» Этот рефрен еще отдавался в моих ушах, когда я открыл свою дверь и попал в объятия Белладонны.

Через час мы сидели на кухне, сытые и умытые, и строили друг другу глазки. Должен заметить, у Белладонны это получалось лучше. Она устроилась на полу: шея чуть-чуть вытянута, головка чуть-чуть склонена, хвост распушен, хотя на тельце все шерстинки лежат гладко, одна к одной. Она будто бы пребывала в покое и в то же время настороже; казалось, она что-то разглядывает у своих передних лапок – воображаемое блюдце с молоком или затейливый узор линолеума. Глаза у нее отливали бирюзой, черные щели зрачков то расширились, то сужались, на мордочке застыло выражение лукавства и ожидания.

Наконец Белладонна встала на все четыре лапки, потянулась и мякнула, требуя, чтоб с ней поговорили. Дьявол! Язык не поворачивается назвать ее животным! Или animal! Оба слова, что русское, что английское, неуклюжи, неизящны и нелепы, и совсем не подходят к Белладонне. Она зверь.

Зверь звучит гораздо энергичнее! И лучше отражает сущность наших отношений, так как с животным дружить нельзя, а со зверем – можно. Зверь даже достоин, чтобы его увековечили. Когда я разбогатею, пойду к Сизо – все-таки он отличный мастер, хоть и алкоголик – и закажу ему изваяние Белладонны в полный рост. Из какого-нибудь редкостного камня, чтоб сама она вышла белой, а хвост – серым... Белладонна снова мякнула, и я сказал:

– Удачный у нас сегодня день, красавица, – видно, рука моя застряла в банке с вареньем... Ты представляешь, что случилось? – И я коротко пересказал ей беседу с Вил Абрамычем. В самых волнительных местах Белладонна грациозно выгибала спинку и поощряла меня мурлыканьем.

– Так вот, дорогая, – закончил я, – теперь ты не просто кошка, но домашний зверь будущего завкафедрой. А положение, знаешь ли, обязывает! Посему – никаких подозрительных знакомств, никаких мезальянсов! Забудь про кота дяди Коли Аляпина и про

того пестрого, что живет на шестом этаже. Весной мы подыщем тебе достойную пару. Возможно, ректорский кот или что-нибудь из городской администрации... Ты не возражаешь?

Белладонна пренебрежительно фыркнула. Март еще оставался будущим сладким весенним сном, и сейчас коты ее не волновали.

Сам я, надо сказать, после визита к Вил Абрамычу пребывал в некотором ошеломлении. С одной стороны, признание моих заслуг было фактом вдохновляющим; с другой – я определенно ощущал, что не готов к административной карьере. Да, в науках я кое-что понимаю (спасибо моим учителям!), но во всех остальных делах мой рейтинг не выше среднего.

Я в меру добр и в меру зол, в чем-то умен, а в чем-то глуп, скорее осторожен, чем отважен, и не люблю политики. И с обаянием у меня не густо... лишен я той харизмы, какая положена завкафедрой или иному вождю народных масс. Словом, на работе я маялся и колебался, по каковой причине покинул институт пораньше, в обеденное время. Но размышлять о будущем мне отчего-то и дома не хотелось, а хотелось сидеть на кухне, глядеть в бирюзовые зрачки Белладонны и угощаться кофейком. Еще хотелось поработать.

Мой ханд-таймер прозвонил пять, напоминая, что час еще ранний и сегодня можно сделать то, что намечалось на вчера. Хотя бы разобраться с исходными данными и сформировать массивы... а заодно проверить, как там дела у Бянуса... и почту считать... и на письма ответить, коль таковые поступят...

С этой мыслью я поднялся, посадил Белладонну на плечо и отправился к Тришке.

При активации компьютера тревожных вестей не поступило – значит, Бянус клятву сдержал и в Сеть не лазил. Такой демарш не проскользнул бы мимо моих ушей. Есть при Джеке Потрошителе недремлющий страж-Доберман, такая хитрая программка, что посылает сигналы на мой сетевой адрес, если с Джеком случились неприятности. Например, если с ним работают на компьютере, включенном в Сеть, что грозит тривиальной покражей. Доберман – всего лишь мера предосторожности, но я могу отследить, кто похитил Джека, добраться до грабителя и устроить ему маленький эксиденс. Полный абзац, иными словами; при Джеке имелся не только сыщик, но и активный оборонительный модуль под названием Бедлам. В сущности, то была программа-вирус, написанная мной годика три назад, эффективная и безжалостная, как техасский рейнджер на складе наркомафии. Стоило ее инициировать, и компьютер похитителя сделался бы форменным отделением психушки.

Но все эти средства я в ход никогда не пускал – ввиду того, что до сих пор Потрошитель трудился лишь в моем персональном сексоте, при отключенной Сети. Вчерашний визит на истфак был первой вылазкой Джека во внешнюю вселенную; теперь он раздвоился и существовал в виде эталона на моем съемном диске и копии, обитавшей в машине Бянуса. Вот за этой копией и полагалось присмотреть.

Доберман, однако, молчал, и это свидетельствовало, что мой друг держит слово. Могло ли быть иначе? Кому же верить, если не друзьям?... Тем более что их всего-то двое.

Читать новости мне не хотелось, но почту я все же проглядел. Ничего интересного: пара статей, новый голливудский боевик класса «мочилровка» и реклама – призыв носить прокладки «Олвейс» с крылышками и рвать пуп на тренажере «Сильвестр Сталлоне».

Прочитав последнее сообщение, я невольно ухмыльнулся. Довелось мне как-то побывать в гостях у Симагина – не дома, куда я захаживал тысячу раз, а в его служебном кабинете на Литейном, в Управлении налоговой полиции. Кабинетик у него маленький и

полон бумаг фискальной ориентации; они громоздятся на стеллажах, на стульях и продавленном диване и даже на полу. Стол тоже забит бумагами, но верхний ящик почти пустой. В нем Алик держит свои главные сокровища: стакан и табельное оружие, пистолет-пулемет «Кипарис» с лазерным целеуказателем и откидным прикладом. Стакан и пистолет – в таком вот именно порядке.

А на стене у него висит изображение могучего мужчины с наклеенной усатой физиономией, в фуражке генералиссимуса, и под ним надпись – Иосиф Виссарионович Сталоне. Символ нынешнего свободомыслия, что ни говори! Как и лозунг над дверью: «Говори кратко, проси мало, уходи быстро».

Белладонна повозилась на моем плече, устраиваясь поудобнее и как бы намекая: не пишут тебе, хозяин, но ты не горюй – я ведь с тобою! Но я и не ждал писем. Мои корреспонденты шлют послания в начале января, поздравляя с Новым Годом, желая счастья и всего, чего положено; а Новый Год мы встретили недавно, и с тех пор не случилось никаких значительных событий. Само собой, не считая обстрела Луны из лазера и моих сегодняшних переговоров с Вил Абрамычем.

Чтобы приободриться, я просмотрел последние письма, пришедшие две-три недели назад. Краткие поздравления от Гиты, Нэнси, Джима, Криса и Делайлы, от коллег из Кембриджа и Саламанки, от Томаса Диша – он сообщал, что подумывает об отставке, но я ему не верил. Старый Томас Диш был одной породы с Вил Абрамычем и моим отцом; такие на пенсию не выходят и умирают исключительно на рабочем месте. Дэвид Драболд, мой шеф из Саламанки, у которого я делал диссертацию по физике, писал, что теперь он «top professor», и это было отрадно – по моим подсчетам, ему еще не исполнилось сорока. А вот моей подруге Гите-Бригитте было уже за тридцать; жила она в своем Марбурге, в счастливом супружестве, и сообщала о том, что в октябре разродилась двойней. Значит, всего у них трое, прикинул я, чувствуя острую зависть – ведь эти детишки могли быть моими! Ну будем надеяться... Надеяться! Как говорят, everything comes to him who waits – все приходит к тому, кто умеет ждать. Я поднялся, и Белладонна, мягко соскочив с моего плеча, устроилась под теплым боком Тришки. А мне пришлось залезть под стол, чтобы добраться до коробок с долларами и выволочь их на божий свет. Весили они немного, но в целом тянули лет на пятнадцать с конфискацией имущества и поражением в правах. Имелся, правда, шанс, что мои хрумки-реставраторы добыли их законным способом – например, одолжив под честное слово в каком-нибудь музее криминалистики. Тогда я ничем не рисковал – тем более что цель моих валютных экзерсисов была вполне легальной и в каком-то смысле даже благородной.

Но все-таки я повернулся к Белладонне, многозначительно поднял палец и произнес «тсс!» Затем начал освобождать коробки и раскладывать пачки долларов на своем ложе. Больше девать их было некуда; кроме тришкиного стола, кресла и дивана, в моей комнате все забито книгами. Я разобрал две коробки и принялся за третью, когда в прихожей послышалась трель звонка. Черт побери! Это было так внезапно, что ноги мои едва не подкосились; пришлось опереться о спинку кресла и сделать пару глубоких вдохов, нейтрализуя адреналин. Уставившись на покрывало с разложенной валютой, я лихорадочно соображал, кто же затаился там, за дверью: Бянус с «Политехнической», нахальный плотник-грубиян или отряд спецназа в черных масках, явившийся, чтоб взять преступника с поличным. Отчего-то я заиклился на этих масках и спецназе, будто пара ментов не сумела бы меня скрутить; я чувствовал себя рецидивистом у распатроненных банковских сейфов,

киллером у трупa. Эмоциям ведь не прикажешь – тем более что на моем диване отдыхали сейчас миллионы фальшивых долларов.

Звонок брякнул снова, пробудив от столбняка, и тут Белладонна спрыгнула на пол, мякнула и неторопливо направилась в прихожую. Я сообразил, что за дверью кто-то знакомый, и, шумно выдохнув, двинулся вслед за серым хвостом моей кошки. По дороге мне рисовались приятные картины: Бянус, который будет выставлен за порог, и плотник, которого я вышибу туда же с торжествующим воплем «бля!»

Но это оказались Катерина с Олюшкой.

Олюшка была в комбинезончике и с большой сумкой; бросив ее в угол, она тут же присела и начала гладить Белладонну, воркуя, как майский голубок. Катерина выглядела потрясающе: в песцовой серой шубке, в лисьей шапочке и в высоких сапогах, тоже отделанных чем-то мохнатым. Прямо не женщина, а меховой аукцион! Попалась бы она в таком виде «зеленым», содрали б с нее меха вместе с собственной шкуркой...

Правда, Катерина – особа крепкая, верткая и закаленная в бухгалтерских баталиях, так что я думаю, гринписовцам она бы не далась. В крайнем случае, уложила бы пару-другую защитников природы и нарезала винта. Внешность ее обманчива: карие нежные глазки, румянец во всю щеку, подбородок с ямочкой, а за всем этим антуражем – стальная бульдожья хватка. Она бы меня в момент захомотала, если б не жалкие мои финансы. Только они и спасли!

– Занят, Сережа? – спросила моя соседка, стрельнув глазками туда-сюда.

– Свободен. Во всех смыслах, – ответил я и с нарочитой алчностью втянул носом воздух. От Катерины пахло чем-то французским, возбуждающим, долларов этак на сто пятьдесят.

Она улыбнулась с видом заправской кокетки и потрепала меня по щеке.

– Дон Жуан, соблазнитель... Я тебе барышню привела, чтоб не скучал. Приютишь до первых петухов?

– Хоть до последних. А что случилось? Мафия наезжает? Ребенка грозятся похитить?

Катерина потупила блудливые глазки.

– Баланс у нас случился... годовой... Срочно надо слепить. Меня уж и машина ждет... там, во дворе... Всю ночь трудиться будем.

Это верно – трудиться будете всю ночь! – подумал я, сочувственно поцокав языком.

Соседка, не дожидаясь более внятных знаков согласия, испарилась; дверь внизу хлопнула, заурчал мотор, и мы остались втроем. Отличная компания: холостяк и пара девушек, на двух и четырех лапках.

– Дядя Сережа, – спросила Олюшка, – мне можно поиграть в гостиную?

– Стол перевернуть? – поинтересовался я. Случалось, мы его переворачивали и накрывали ковром, чтоб получилась хижина Робинзона Крузо. Я изображал банду папуасов, а Белладонна – пантеру или тигра, смотря по обстоятельствам.

Но сейчас Олюшка покачала светловолосой головкой.

– Нет, стол мне нужен. И еще мне нужны бумага, чернила и гусиные перышки.

Чернил и перышек у меня не нашлось, но я разыскал старую шариковую ручку в форме гусиного пера. Это ее устроило. Из сумки был извлечен большой пластмассовый Буратино, мишка Винни Пух, кукла Зоя и пара пистолетов – из тех, что стреляют теннисными шариками; еще там был катеринин парик. Со всем этим имуществом и Белладонной в качестве эскорта Олюшка направилась в гостиную, а я, довольный, что ребенок при деле, смог отдышаться и продолжить свои занятия.

Коробок было пять, и на каждой, как уже упоминалось, надпись. Четыре, про Гондурас, Швейцарию, Польшу и Сингапур, я разобрал еще вчера, а вот на пятой было написано не «Фанора» и не «Факора», а «Фанера». Эти доллары изготовили у нас, где-то на границе меж Литвой и Казахстаном; были они на ощупь дрябловатыми и годились лишь для инвалидов по зрению. У польских и гондурасских качество было получше – если б их помять и потоптать, я бы сам обманулся. Что касается швейцарских и сингапурских изделий, тут имел место полный о'кей.

Эти «картинки», как называл их Керим, прошли бы экспертизу под гром фанфар и барабанов во многих банках, кроме самых опытных и осторожных – и, разумеется, самых богатых. Собственно, подделку бы не опознали, но в сомнительных случаях крупные финансовые институты обращаются в Федеральную резервную систему США, а там есть особая методика проверок. Какая – знает один Господь да дюжина суперсекретных специалистов. Ведь Федеральная система – это государственный американский банк, где печатают настоящие доллары, а перед тем, как напечатать, размышляют о средствах защиты, явных и тайных. Явные известны всем, а тайные – наиважнейший государственный секрет, на коем держится могущество Америки.

Я на него не покушался, на это могущество, моя задача была поскромней – защитить родимую державу от фальшивок. Благородная цель, не так ли? Вот я и старался ради идеи, пользы и удовольствия. Идея была возвышенной, польза – несомненной (включая сюда и проверку моей методики кластеризации), а об удовольствиях напоминал конверт, врученный мне вчера Керимом.

Проглотив первую стопку купюр, трейлер пискнул и подмигнул мне алым огоньком. Почти сразу же прозвонили часы; было уже семь, и я подумал, что Олюшка, наверное, хочет есть. Что-то она затихла в комнате... С Белладонной не играет – был бы слышен мяв и шум... Рисует? Но почему шариковой ручкой в форме гусиного пера? Раньше Олюшка, как всякий нормальный ребенок, предпочитала фломастеры.

Я на цыпочках подкрался к распахнутой двери гостиной. Юная барышня сидела за столом в черном материнском парике, завивавшемся колечками, и что-то сосредоточенно писала; рядом с ней лежал игрушечный пистолет. Другой пистолет находился в цепких лапках Буратино, а сам длинноносый стоял у дальней стены, опираясь на нее тощим пластмассовым задом. Винни Пух, кукла Зоя и Белладонна устроились на диване – то ли изображали публику, то ли следили за развитием событий.

Олюшка закончила выводить каракули, подняла личико и, прищурившись, взглянула па люстру. Выражение на ее мордашке было очень серьезным, я бы даже сказал – трагическим. Что-то пробормотав (мне послышалось – «час настал»), она поднялась, прижала к груди пистолет, но тут же вытянула его в сторону Буратино и прикрыла ладошкой левый глаз. Секунд тридцать она стояла так, а я взирал на нее в полном недоумении; затем Белладонна мякнула, послышалось «пиф-паф!», и моя гостья рухнула на пол.

К счастью, на полу в гостиной лежит ковер, но для меня это было плохим лекарством от стресса. Все дневные и вечерние волнения разом навалились на меня; я подпрыгнул, заорал дурным голосом и ворвался в комнату. Когда я схватил Олюшку в охапку, она приоткрыла один глаз, карий и блестящий, как у Екатерины.

– Тсс, дядя Сережа... Я убита... Я играю в Пушкина, имения убил Дантес... Ты должен ото... отомстить...

– Этому, что ли? – спросил я с облегченным вздохом, кивая на Буратино. – Да я из него

папу Карло сделаю!

– Правильно... Но сначала ты должен меня похоронить...

– Похороны отменяются. – Я поставил ее на ноги. – Сейчас мы пойдем и поиграем с Тришкой... если со мной не приключится инфаркт. Или пора ужинать?

Но Тришка был притягательней ужина, и гостья, сняв кучерявый парик, отправилась за мной. Белладонна побежала следом; по дороге она задела Дантеса-Буратино, и тот, в слезах раскаяния, уткнулся носом в ковер. – О! – сказала Олюшка, переступив порог. – Денежки! Целый клад! Ты очень богатый, дядя Сережа?

– Не очень, – признался я. – Эти денежки не настоящие. Их напечатали жулики, чтобы обманывать честных людей.

– Меня бы не обманули, – заявила Олюшка, потрогав «фанерную» банкноту. – Я в денежках разбираюсь!

Это была святая истинная правда – в свои шесть лет она отлично знала, какая денежка чего стоит. Акселерация плюс врожденная практичность, плюс влияние мамы-бухгалтерши. Оно и к лучшему, подумал я; не все же ребенку играть в Дантеса и Пушкина. Двадцать первый век к романтике не располагает.

– Что мы будем с ними делать? – спросила Олюшка, кивнув на серо-зеленые пачки.

– Ты бери их одну за другой и ставь сюда, – я показал на приемный паз трейлера, – потом вынимай вот отсюда, снизу, и снова клади на диван. На то же самое место. А я буду раскладывать их по коробкам.

– А Беляночка? – поинтересовалась моя гостья, ухватив первую пачку. – Что будет делать Беляночка?

– Стоять на стреме. Чтобы нас, значит, не застучали...

Минут пять мы трудились в полном молчании, нарушаемом лишь стрекотом трейлера да шелестом купюр. Трррр-шшшш... трррр-шшшш... трррр-шшшш... «Фанера» и гондурасские «картинки» кончились, мы принялись за Сингапур, и Олюшка сказала:

– А вот эти денежки совсем похожи на настоящие. Как ты их отличишь, дядя Сережа?

Я подмигнул ей.

– По тайным знакам, барышня, по знакам, что никому не ведомы, кроме самых умелых волшебников из Америки. На настоящих денежках эти знаки есть, а на поддельных – нет, потому что никто не знает, какие они и где находятся. Это великая заокеанская тайна!

Глаза Олюшка распахнулись.

– И ты ее узнаешь? Как?

– С помощью Тришки и программы, которую я написал. Смотри: каждая денежка проходит через этот блок, – я коснулся трейлера, – и фотографируется с обеих сторон, а еще просвечивается, словно под сильной лампой. И вся эта информация попадает в компьютер – о каждой цифре и букве, о каждой точке и завитушке, цвете рисунка, его положении и о многом другом, чего на взгляд не заметишь. Тришкина программа все это запоминает – и про фальшивые денежки, и про настоящие. А потом... – Тут я выдержал драматическую паузу, и Олюшкины глаза раскрылись еще шире. – Потом программа начнет сравнивать денежки друг с другом. То есть не сами денежки, а их изображения, которые хранятся в папке Тришки. Это очень хитрая программа; она найдет все отличия между настоящими и фальшивыми деньгами и соберет их в кучки: в одной – самые плохие денежки, в другой – получше, в третьей – еще лучше, а в четвертой – такие, что очень похожи на настоящие, однако...

– Не настоящие, да? – с восторгом прошептала Олюшка, и я убедился, что ребенок

уловил суть проблемы.

– Да, не настоящие, а только очень похожие, если не считать тайных знаков. Но моя программа... Я не говорил тебе, что она способна учиться? Так вот, к этому времени она обучится и станет опытной любого кассира в банке со всеми его машинками для проверки денег, и будет знать о них больше тысячи кассиров. О каждой точке и завитушке, понимаешь? А значит, ей останется только найти эти секретные завитушки и рассказать нам о них. И когда это произойдет, мы раскроем тайну заокеанских волшебников.

– Надо же, – сказала Олюшка, погладив железный тришкин бок. – Я и не думала, что Тришка у нас та-акой умник!

– Это не он умник, – возразил я, – а дядя Сережа. Программу-то кто составил, моя прелесть? А без программы Тришкой можно гвозди забивать.

– Ну-у прям-таки... – протянула Олюшка, но тут ей пришла новая мысль: ресницы взметнулись, глаза округлились, а курносый нос аж побледнел от возбуждения. Она потянула меня за рукав, заставив склониться к самым ее губам, и прошептала: – Дядя Сережа, а дядя Сережа... А что же будет, когда ты узнаешь тайну заокеанских волшебников? Ты сам будешь делать денежки? Ненастоящие, но совсем-совсем как настоящие? И ты станешь богатым?

Гордо выпрямившись, я принял оскорбленный вид и заявил:

– Это откуда у вас такие мысли, барышня? Совсем недостойные благородной девицы... Взгляните – разве я похож на жулика?

– Не похож, – вздохнув, согласилась Олюшка и окинула меня критическим взором. – Совсем не похож... А жалко!

Я чуть не подпрыгнул.

– Это еще почему?

– Мама говорит, что если бы ты, с твоими мозгами, был капельку жуликом хоть чуть-чуть! – то подошел бы нам в папы.

Ну разве не прелесть! Очаровательная малышка! И такая разумная и логичная... Будь моя воля, я бы женился на Катерине исключительно ради Олюшки, и стала бы она у меня программистом. Олюшка, разумеется, а не Катерина; Катерина у нас секс-бухгалтер, а горбатого лишь могила исправит. Ребенок снова вздохнул, и мне пришлось совершить вольность – прижаться своей небритой щекой к мягкой и нежной щечке. – Ты не расстраивайся, детка! Ты главное сообрази: хоть папу тебе выбирает мама, зато друзей ты выбираешь сама. А папы всякие бывают... Может, попадетя тебе что-то приличное, может, нет... Так что с папами не надо торопиться. – А твой каким был? – спросила Олюшка, и тут уж настал мой черед вздыхать.

Потом она принялась допытываться, что же я собираюсь делать с заокеанской тайной – может, жуликов ловить вместе с дядей Аликом? В каком-то смысле эта гипотеза отвечала истине. Я не стремился обнаружить все секретные значки – достаточно было одного или двух, чтоб сконструировать аппарат, производящий безошибочную экспертизу. Такой приборчик и являлся конечной целью моего проекта; мыслилось, что будет он недорогим, компактным и необходимым всюду, где шелестят зеленые купюры. Принцип действия этой машинки я еще не представлял; о принципе говорить было рано, поскольку зависел он от того, что обнаружим мы с Джеком. Но что бы мы ни нашли, в успехе практической реализации не приходилось сомневаться. Российский ум изобретателен и изворотлив – дай идею, а уж умельцы подкуют блоху! Мои гаранты обещали, что на умельцев не поскупятся, и я уже прикидывал, кого бы лучше нанять: безработных оборонщиков из «Градиента» и

«Поляриса» или обойтись своими институтскими. Все это пришлось объяснять Олюшке в доступных выражениях, но главное ребенок ухватил: мы трудимся на дядю-богача, чтоб стал он миллионером, торгуя нашей волшебной машинкой. Я с этой мыслью смирился давно, однако Олюшка, склонная по младости лет к идеям социальной справедливости, с возмущением фыркнула. Потом вздохнула, прощаясь с мечтами о папе Сереже. Я тоже вздохнул. Хрумки платили неплохо, но на весь обещанный гонорар я мог бы купить лишь сиденья от керимова «Мистралья». Возможно, еще и дверцы, но на колеса и двигатель рассчитывать не приходилось.

Так, за вздохами и разговорами, мы окончили свои труды и отправились на кухню, ужинать. В Олюшкиной сумке нашлась коробочка сливы в шоколаде, и мы занялись ею всерьез – вдвоем, ибо Белладонна, обнюхав предложенную ей конфетку, сморщила нос и чихнула. Я налил ей молока, а нам с Олюшкой – чаю; себе – в отцову чашку, а гостье – в мамину. Она очень хорошо смотрелась с маминой чашкой из костяного фарфора в руках; ее личико и тонкие пальцы тоже казались фарфоровыми, розоватыми и будто бы вылепленными искусным скульптором. Я на мгновение представил, что вместе с нами сидит Катерина, в своей роскошной шубке и лисьей шапочке, но почему-то она никак не вписывалась в пейзаж. Подумав, я понял, в чем проблема: третья чашка на нашем столе была бы лишней.

Глава 5

КУДА ПОДЕВАЛСЯ МОЙ МЕД?

*Куда мой мед деваться мог?
Ведь был полнехонький горшок!
Он убежать никак не мог,
Ведь у него же нету ног!*

А. Милн. Винни-Пух и все-все-все

- Кто там?
- Три мушкетера и графиня де Монсоро...
- Кто там?
- Рем Квадрига, доктор гонорис кауза, и Клоп-Говорун...
- Кто там?
- Пара морлоков. Пришли жрать элоя...

Дни катились один за другим, серые и блеклые, как зимнее питерское небо. Скучные, тоскливые дни! Правда, временами раздавался звонок, и на мое привычное – кто там?... – отвечали:

– Вас беспокоят из контрразведки Юлия Цезаря. Не у вас ли скрывается гражданка Клеопатра Птолемеевна?...

Наступил февраль, а с ним – внезапная оттепель; потом снова грянули морозы, осевший снег покрылся толстой бугристой коркой льда, и я не шел – скользил к троллейбусной остановке, словно буер под парусом. У метро было полегче – там лед посыпали песком, и шеренги торговков и нищих ограничивали свободу маневра. Между этими живыми барьерами струился по утрам людской поток – те, кто не нищенствовал и не торговал, спешили на работу, подгоняемые самыми разными резонами: одни – заботой о хлебе насущном, другие – корыстью, тщеславием или привычкой. Мною же двигали любовь к науке и искренний энтузиазм, а это очень сильные мотивы; и потому, должно быть, я второпях свалился со ступенек у входа в метро, порвал куртку и расшиб ребра.

Случилось это в начале февраля, чуть скрасив ярким цветом мой монотонный жизненный променад. Все прочее катилось и плелось своим чередом: филенку воровали уже, наверное, в десятый раз; мой аспирант Паша Руднев трудился над первой фразой своей диссертации; аргентинцы затихли, и британский авианосец свернул к нефтяным арабским берегам; в Чечне постреливали, в Крыму бились от Севастополя до Перекопа, под Хабаровском царило затишье – нашим федералам не подвезли бензин, а у дыркачей кончились снаряды. Бянус распутывал свои узелки, Алик ловил мошенников, Ирак заключил перемирие с Ираном, американцы с союзниками ловили Усаму бен Ладена, а Юрий Лажевич, по утверждению Басалаева, грозился бросить своих оппонентов на растерзание стае гиен. Вот только где он их возьмет?... – раздумывал я. Купить африканских не по средствам, а в городском зверинце гиена имела столь жалкий вид, что против наших зубастых доцентов ей было не выстоять. Да и что ей проку в тех доцентах-недокормышах? Вот упитанный чиновник из мэрии – другое дело!

В личном плане, если не считать порванной куртки и синяка на ребрах, особых перемен не наблюдалось. Звонил Михалев: что же ты, мои шер, о старике забываешь?... давай-ка в следующий выходной... твои зубы, мои вафли... а еще книжку новую подарю... какую?... про Ленина... нет, не историческую, а фантастическую, как мумию оживили... Еще заехал Николай, шкаф из гарнитура моих нанимателей, забрал коробки с фальшивыми баксами; следом позвонил Керим, дабы узнать об успехах, и получил информацию, что дело движется, но трубить в фанфары еще рано – мы с Джеком закончили лишь первичную обработку и выделение самых тривиальных признаков. Я подготовил еще один доклад о классификации минералов, и теперь Вил Абрамыч поощрительно улыбался мне при каждой встрече. В свой черед я со всем старанием улыбался ему, кланялся и выпячивал грудь колесом, так что любой из наших сотрудников мог заметить, как Невлюдов Сергей Михайлович подгоняет задницу к креслу завкафедрой. Мои коллеги реагировали на это с пониманием, а кое-кто даже хлопал меня по спине и неразборчиво бурчал, что, мол, большому кораблю – большое плавание. Я бы с радостью отплыл куда-то, но жаль было покинуть Питер, а также Белладонну и Алика с Бянусом. К тому же ничего романтического этот вояж не сулил; ничего такого, чтоб серая нить будней вдруг вспыхнула и сторела дотла, а пепел ее обернулся многоцветным фениксом. Ни ирокезы, ни команчи не торопились призвать меня, дабы обрушиться на бледнолицых, призраки электронного полтергейста обходили мой дом за версту, и предложений слетать на Марс тоже не поступало. Вместо этого я получил послание от Боба Рэнсома, державшего свиную ферму в Вайоминге, у городка с чудным названием Биг Виски. Пили там не так круто, как у нас, зато была иная экзотика: быки и ковбои, родео и салуны, шерифы с «кольтами» и степи с травой по грудь, а еще – необозримые стада свиней. Как-то, во время своих каникулярных странствий, я доперся до этого самого Вайоминга, и на проселочной дороге мой «фордик» приказал долго жить. Вдоль дороги тянулся забор без ворот и калиток, а за ним, в отдалении, виднелось что-то каменное, основательное, с башней под звездно-полосатым флагом. Решив, что это поместье местного ленлорда, я отправился за помощью: как всякий нормальный российский гражданин, форсировал забор и стал пробираться среди навозных куч, поражаясь их величине и обилию. Но каменный замок был не поместьем, а свинофермой, и охраняли ее гигантские хряки размером с гиппопотама, но более шустрые и игривые. Я им понравился; загнав меня на штабель пустых картофельных ящиков, они принялись держать совет, то ли умять вкуснятину на месте, то ли дать ей побегать и порезвиться. К счастью, тут появился Боб и водворил порядок железной рукой. Я прожил у него неделю, и это были отличные деньки! С утра до вечера мы обихаживали свинок, а в сумерках, расположившись под черепичным козырьком веранды, толковали о разных разностях – о девушках и компьютерах, о физике и свиноводстве, о королях, капусте и перспективах нашей земной цивилизации. Мы пришли к единому мнению, что физика и компьютеры – блажь, а вот свиньи и девушки – дело стоящее: никаких тебе иллюзий, и есть за что подержаться. Но оставалось множество тем, которые мы не обсудили – к примеру, о космических пришельцах, расовой проблеме и употреблении суффиксов в русском языке. Так что Боб приглашал меня летом в Вайоминг, дабы, как он выразился, покрутить хвосты кабанчикам и поболтать на досуге. Я ответил, что поразмыслю над этим предложением.

Спокойное место штат Вайоминг, особенно та его часть, где разводят свиней. По-моему, даже спутники ее огибают, а если какой и залетит, то не из тех, что палят по Луне. Кстати, с этой пальбой никак не могли разобраться: специалисты НАСА клялись, что не нашли ошибок в своих программах, а физики из Ливермора и Беркли долбали их в хвост и гриву,

утверждая, что разрядиться спонтанно лазер никак не мог. В конце января к проблеме подключились «зеленые» – под тем предлогом, что хватит, мол, вертеть дырки в земной атмосфере и переводить зазря кислород. Демарш их показался мне нелепым – ведь спутники висят в сотне миль над земной поверхностью, где нет ни атмосферы, ни кислорода. Меж тем загадочные события продолжались. Просматривая «Amazing News», я только руками разводил да косился на Белладонну – вдруг она заговорит. Что не исключалось; если антенны радиотелескопов вращаются сами собой, а космический зонд, не достигнув Венеры, меняет курс, то могут произойти любые чудеса. Белладонна, впрочем, не говорила, а лишь мяукала (зато вполне членораздельно), но иных чудес и диковинок в мире все прибавлялось и прибавлялось. Были среди них утечки энергии и жалобы на странные шутки коммуникационных систем, компьютерных и телефонных: люди звонили друзьям и родичам, раз за разом попадая в штаб-квартиру ЦРУ или в Английский банк. Телефон, разумеется, ненадежное средство связи, но про оптоволоконные линии я бы этого не сказал. На них, словно Земля на трех китах, стоит Глобальная Система, и если сервера^[18] исправны, то всякое сообщение дойдет куда положено.

Как утверждалось в «Amazing News», сервера были исправны, но некий молодой японец, желавший поболтать с невестой в Иокогаме, трижды соединялся с Пентагоном. Весьма поразительный факт! С другой стороны, где же ему место, как не в «Amazing News»? А место факта в системе информации – его важнейшая характеристика; какое место, такое и доверие.

И я, поудивлявшись и поахав, прикладывал компресс к своим синякам и шел спать. И снилось мне, как дергается в развеселой пляске решетчатая чаша телескопа, как венерианский зонд поворачивает к Магеллановым Облакам и как я пытаюсь связаться с Бобом Рэнсомом, но вместо Биг Виски на проводе Иокогама, а вместо Боба – девушка того молодого японца, и я говорю с ней на каком-то странном языке, не русском, не английском, а похожем на древний фортран. Утром я вставал, кормил Белладонну и ложился на заданный курс – неизменный, как положено для больших кораблей. От дома до института, от кандидатской до докторской, от стула научного сотрудника до кресла завкафедрой...

Так и текли мои серые будни, овеванные ветрами да метелями, согретые визитами друзей, слегка подкрашенные зимними пейзажами, той неброской акварельной красотой, какую являет равнодушному взгляду заснеженный город.

Но мне было этого мало. Что-то творилось со мной; пустынные воды моей жизни остывали, покрывались льдом, и я барахтался в них, мечтая выбраться из серого, холодного, обыденного в синий теплый океан, где на горизонте встанут острова с пальмами и золотым песком, а на тех островах – вечный праздник: солнце сияет, вьются флаги, и смуглые стройные девушки подносят путнику орхидеи и кокосовое молоко в половинке ореха. Впрочем, кокосы и орхидеи не такая уж невидаль – их продавали в ближайшем универсаме, но вот смуглых девушек там я не встречал. А какой же без них праздник?

Пустые мечты, разумеется... сон... сказка... Но так мне ее не хватало – до боли, до скрежета зубового, до ломоты в костях! А тут еще этот проклятый синяк на боку...

Имелся, однако, способ умчаться за грань реальности.

Сказка – из редкостных товаров, и не всякому выпало прожить жизнь так, чтобы, умирая, он мог признаться: мне повезло, я коснулся сказки. Был героем, спасал принцесс, палил из бластера в чудовищ, карал злодеев и удостоился рыцарских шпор; а под конец лучшая из девушек отдала мне руку и сердце, когда я приплыл за ней на бригантине с алыми парусами. Но эти сожаления о сказочном и несбывшемся – дело минувшее, если у вас есть компьютер и контактный шлем с креслом. Дорогие игрушки, согласен; они поглотили всю сумму, что лежала на родительских счетах, плюс мою последнюю кембриджскую стипендию. Я мог бы вполне обойтись без таких завитушек и прибабахов, ведь для серьезной работы они не нужны. Ни вокодер со стереофоническими колонками, ни операционные пульта, встроенные в подлокотники, ни браслеты, ни шлем, даривший иллюзии и миражи... Но мне очень хотелось, и я себя уговорил.

Это была непростая процедура, учитывая состояние моих финансов. Но мудрецы говорят: *life is not all beer and scittles*^[19], и они правы. Руководствуясь этим советом, я изгнал всякие мысли о развлечениях, об играх, обычных фильмах и лентах FR^[20]; я сказал себе – как специалист специалисту, – что просто обязан следить за новейшими достижениями своего ремесла. Операционное кресло, со всем, что к нему прилагалось, как раз и было таким достижением; с его помощью я мог проникнуть в Сеть в любом избранном мною обличье и повстречаться с другими Масками^[21], мог проследить за процессом вычислений, воспринимая его как звуковой и визуальный ряд, мог даже в какой-то степени объединиться душой с компьютером, подсказать ему и направить по верному пути. Такие подсказки необходимы при решении некорректных задач, но самый обычный пульт позволяет ввести их и отследить действия программы. Кресло, однако, удобнее; оно преобразует виртуальный компьютерный мир в символы и звуки, доступные человеческому восприятию.

Итак, я приобрел кресло, браслеты и шлем и пару недель болтался в Сети, знакомясь воочию с монстрами, что проживают на главных ее магистралях и в каждом занюханном тупичке. Потом мне это надоело. Ведь я не «чайник», чтоб исходить восторженным паром при виде перемножаемых матриц! Не вид меня интересуется, а результат, и чтоб поскорее и поточнее!

Ныне все вернулось на круги свои: к программе я подключаюсь редко, в Сеть лазаю от случая к случаю, зато наслаждаюсь фульриками.

Вот это сказка и праздник! Вернее, приемлемый суррогат того и другого. Пока без тактильных ощущений, но я полагаю, оно и к лучшему – целее будешь, ввязавшись в какую-нибудь авантюру. Опять же гаремные страсти... Смотреть на них весьма утомительно для одинокого мужчины, а если еще и чувствовать, то без инфаркта не обойдешься! Словом, всему есть свой предел и своя граница, в том числе и киношному прогрессу.

Фульриков не так уж много, но сделаны они на совесть, хоть без затей и по привычным голливудским образцам. Главное же, что их не надо воровать, ломая пароли и замечая преступный след; их производит «Даймонд Проперти», та самая фирма, где разработаны кресло и шлем, и рассылает бесплатно. Само собой, при том условии, что шлем с креслом оплачены звонкой монетой. Как говорится, *what one loses on the swinge one makes up on the roundabouts* – что потеряли на качелях, возьмем на каруселях.

В январских поступлениях фульриков значились четыре позиции: две мочилки, одна Возбуждалка и одна расслабивка. Согласно моей классификации, мочилки – это сплошной кишкодрал и яйцerez; там стреляют, бьют и потрошат ста сорока способами, причем сперва

плохие парни перекрывают кислород хорошим, а под конец хорошие чистят фейс плохим. Сказки, конечно, но черные, и я их не люблю, хотя и просматриваю временами – перед кафедральным семинаром. Чтобы, значит, взъяриться и добавить адреналинчика в кровь... Но этим вечером мне хотелось иных сказок. К тому же была среда, и вчерашний семинар, не кафедральный, а лабораторный, прошел в полном благолепии: Ник с Диком (докладывали о своих магистерских трудах, и все были так зачарованы их потрясающим сходством, что дело обошлось без каверз и подковырок, даже со стороны Басалаева. Возбуждалку я тоже смотреть не хотел. Эта группа дифференцировалась от скромных сосалок-обжималок до откровенных трахалок, и выяснив, что полученный мной шедевр называется «Лесбиянки в финской бане», я его забраковал. Не в том я был настроении, чтоб париться с лесбиянками; и вообще это занятие министров и прокуроров, а не научных сотрудников. Оставалась лишь расслабловка. Обычно это нежные мультфильмы про русалочек и Дюймовочек, но в данном случае сюжет был позабавней: подругу Крутого Уокера, рейнджера из Техаса, похитил некий джинн с электронными мозгами, правитель роботов, свирепых, как павианы в период течки. Прятался этот монстр в каком-то лабиринте в созвездии Орион, и чтобы добраться до него, бедняга Уокер должен был облететь двадцать миров и сделать каждому роботу гуляш по почкам. Короче, полный отпад! Разум растворяется в сумерках чувств, а именно этого мне сейчас и не хватало.

Должен заметить – к чести «Даймонд Проперти», – что их интересы были шире секса, стрельбы и мультиков. Временами они подбрасывали мне махалки и молотилки в стиле Джеки Чана; иногда баловали скакалками-вестернами и страшилками – историями о честных налогоплательщиках, которых со смаком пожирают крокодилы, акулы и восставшие из гроба мертвецы. Страшилки всегда высылались в двух сериях, и тех бедолаг, которых не прикончили в первой, обычно доедали во второй. Я такому изобилию ужасов ничуть не удивлялся. Ноггог^[22] – во всяком случае, до эпохи бен Ладена – был популярнейшим жанром в Штатах; жили там хорошо, спокойно, а сытая жизнь скучна, если не перемежается легким испугом. У нас же все наоборот; как говорил отец, недолгий кайф торчков на перманентном фоне страха. Такие вот сказки... Если вдуматься, все они черные, и у нас, и за океаном, ибо мир в нынешние времена неделим и един, как Глобальная Сеть; или спасемся вместе, или вместе погибнем. И в случае фатального исхода останутся после нас компьютеры, и будут они командовать другими машинами, попроще, гонять из банка в банк разнообразную цифирь, делить и умножать и упражняться в вариационном исчислении... И это будет лишено всяческого смысла. Однако надежда на спасение во мне угасла не совсем, и поддерживает ее «Даймонд Проперти», моя дорогая фабрика электронных грез. Ведь занялись же они мультфильмами! Значит, еще не рискуют пугать мочилками и страшилками малых детишек, таких как Олюшка, – и получается, что гуманизм им не чужд, равно как и другие благородные чувства. Например, доброта и любовь... Что спасет нас от ненависти и ужаса, от крокодилов-убийц, от кровожадных ниндзя, от мастеров кун-фу с тяжелыми кулаками, от графа Дракулы и наркомафии? Только любовь и доброта... Ну, возможно, Крутой Уокер чуть-чуть поможет... С этой мыслью я напялил шлем, уселся в кресло и поманил к себе Белладонну. Она не любит моих погружений; когда я часами сижу неподвижно, с опущенным забралом, вцепившись в подлокотники, это пугает ее. Наверное, ей мнится, что я уснул неестественным странным сном, или вовсе умер, или превратился в какое-то чудище с большой серой дыней вместо головы. Но на моих коленях она успокаивается; видно, чувствует, что я еще теплый, а значит, живой. Я пощекотал ее за

ушком, коснулся сенсора голографической приставки и опустил забрало. Долгий протяжный аккорд, подобный свисту ветра в рибрежных скалах... Затем привычный мир исчез, растаял, растворился; теперь надо мной шелестели пальмы, тянулся вверх гигантский красноватый ствол секвойи, уходила вдаль полоска песчаного пляжа, усеянная народом, а за ней синел океан, спокойный и тихий, нежившийся под ласковым солнышком; по его аметистовым волнам скользили яхты с пестрыми парусами, а на них загорали девушки – те соблазнительные смуглянки, что подносят героям цветы и кока-колу в запотевших стаканах. Словом, вид был самый калифорнийский, и, узрев полужнакомые очертания далеких гор, я убедился, что действительно попал в Калифорнию, вместе с Дейвом Уокером и его подружкой. Может, они вкушали отдых в этом американском парадизе, а может, явились по делам – к примеру, искать мафиозных боссов или тайный склад гер-балайфа. Я полагал, что скоро это разъяснится.

Возникло лицо Уокера – крупным планом, на фоне океанских волн и бирюзовых небес. Был он почти как живой, что достигалось средствами компьютерной видеопластики; лишь приглядевшись, я отметил несомненный перебор. Слишком рыжие волосы, слишком резкие морщины у губ, слишком рельефные мышцы и столь выразительная мимика, какой не бывает у настоящих людей... Все-таки это была мультяшка-симулякр, хоть и выполненная с блеском. В прочих фильмах, в мочилках, страшилках и возбуждалках, играют живые актеры, но декорации тоже плод компьютерного дизайна, и сделаны они так тщательно, что от реальности не отличишь. С людьми сложнее; их еще не научились имитировать на все сто, хотя этот час близок и зависит лишь от быстрогодействия наших компьютеров. Воистину, программисты – боги и уступают Саваофу только в одном: миры, сотворенные ими, нельзя пощупать. Зато они творят их целыми пачками.

Крутой Уокер сидел в шезлонге, попивал лимонад и вел крутую беседу со своей блондинистой подружкой (длинные ноги, пышный бюст, губки бантиком и Ниагара золотых волос). Блондинке хотелось замуж, и Уокер со всей доходчивостью объяснял, что тexasский рейнджер не годится на такое амплуа; он, дескать, повенчан с Фемидой, спать ложится с пистолетом и производит на божий свет не детишек, а исключительно протоколы. Подруга с этим активно не соглашалась и напирала на Дейва бюстом и интимными воспоминаниями. Такой вот у них получался разговор.

Тут грянул гром среди ясных небес, блеснула молния, и над пляжем завис НЛО самой зловещей наружности, класса «летающая сковорода». Народ взволновался, девушки завизжали, кто бросился к пальмам, кто – к океанским водам, а кто начал закапываться в песок, в частности одна симпатичная девчушка лет пяти, похожая на мою соседку, с таким же курносым носиком и огромными серыми глазами. Тем временем НЛО выплюнул посадочные капсулы, они хищной стаей упали на пляж, извергнув команду роботов. Отвратительные твари: бронированные, но волосатые, с лазером во лбу и с ковбойским лассо в причинном месте. Этими арканами они принялись ловить рабов – и девушек-смуг-ляночек, и их бой-френдов, и детишек, и мамаш с папашами. Изловленных тащили к капсулам и отправляли в сковородку, попутно взрывая бензоколонки и вышибая мозги всем встречным и поперечным. Словом, зверствовали вовсю; это был тонкий сюжетный ход, чтоб оправдать самые жуткие меры возмездия, какие намечались в будущем. Уокер вытащил из плавок пистолет («специальный полицейский» сорок пятого калибра) и попытался дать отпор злодеям. Но пули отскакивали от их панцирей, а гранатомета под руками не случилось, так что Дейв мог полагаться лишь на свои кулаки. Он ринулся на ближайшего робота (тот

вытаскивал из песка сероглазую девчушку), сшиб его с манипуляторов и начал отплясывать джигу на брюхе мерзавца. Диоды и триоды сыпались градом, робот жужжал, девчушка вопила, пятки Уокера сокрушали панцирь, а тем временем другой бронированный хмырь уволок его блондинку. Капсулы взлетели (все, кроме одной, принадлежавшей поверженному роботу), сковородка фыркнула огнем и скрылась, оставив в космосе отчетливый инверсионный след. Уокер почесал в затылке; лицо у него было огорченным и нерешительным, так как дальнейший расклад событий предусматривал несколько вариантов. Первый: продолжить распитие кока-колы; второй: устроить засаду на пляжах Майами, куда злодеи непременно явятся за новой партией рабов; третий: отправиться на мыс Канаверал и экспроприировать ракету, подготовленную для марсианской экспедиции; четвертый: обратить внимание, что отец спасенной девчушки, фермер Джо – из породы непризнанных гениев и у него в сарае за скотным двором спрятан такой звездолет, какой не снился фраерам из НАСА. Словом, имелись разнообразные возможности, и я решил, что Дейв нуждается в подсказке.

Одно движение пальца, и он твердым шагом направился к капсуле, прихватив пистолет и бутылочку кока-колы. Мы с ним быстро разобрались в управлении, нажали все нужные кнопки, дернули рычаги и взмыли в небеса. Инверсионный след был отлично виден, и вел он в первый из двадцати миров, какие предстояло посетить Уокеру, чтобы выручить свою подружку. Я надеялся, что он везде наведет порядок, а под конец спустится в лабиринт и доберется до электронного джинна в самое пикантное мгновение, когда тот подкатит с гнусным предложением к блондинке.

Мчась в космической тьме, я уже предвкушал, как мы с Уокером вставим мерзавцу фитиль в процессор, но вдруг наш космический транспорт затормозил, рассыпался, мой спутник исчез, а вслед за этим Галактика мигнул а яркими звездами и провалилась в тартарары. Передо мной сияла алым светом беспредельная огненная даль, в ней мерцали вспышки молний, ворочались багровые тучи, а на самой большой из них сидел огромный черный пес с вытянутой мордой, и с клыков его капала слюна. Это апокалипсическое зрелище сопровождалось тревожным гулом набата, дьявольским завыванием сирены, ураганным ревом и другими звуковыми эффектами. В целом чувство было таким, словно я на полном скаку вылетел из седла и впилился в стену, ограждающую ад. Конечно, я ее пробил – иначе откуда же этот звон и рев, этот огонь и этот страшный пес, сатанинское отродье?...

Прошло секунд пять, пока я наконец сообразил, что вижу Добермана и что трансляция фульрика вырубилась по аварийному прерыванию. Причин могло быть три: или началось всемирное побоище, или какой-то пронырливый хакер пытался обшарить тришкины закрома, или...

Содрав шлем, я вскочил, и Белладонна с испуганным мявом прыгнула с моих колен. Голографический апокалипсис разом кончился; звон и рев превратились в негромкое попискивание, а пламенные адские дали – в чуть вогнутую розоватую поверхность экрана. Но в самом его центре по-прежнему маячил черный пес, а под ним, в красных окнах, темнели ровные строчки сообщений. Левое информировало, что копия программы «Джек» снята с компьютера `bran@uni.spb.ru` (то был сетевой адрес Бянуса), а правое уточняло, что покража свершилась в 19.32 и что тревожный сигнал добрался до Тришки через ноль минут девяносто семь миллисекунд – то есть, как и положено, со скоростью света. Но хищная лапа грабителя исчезла с той же быстротой, уволакивая горшок с моим медом; исчезла и скрылась в каком-то неведомом закоулке Сети, может в Австралии, а может в Панаме, Китае или Нью-

Васюках. Впрочем, мед есть мед; не бывает меда без запаха, а мой Доберман – чуткий песик.

Я повернулся к Белладонне и хмуро буркнул:

– Прошу простить мою невежливость, синьора. Причина самая извинительная: нас обокрали! Без штанов оставили, по правде говоря.

– Мяс? – произнесла моя кошка, явно желая приобщиться к более полной информации.

– Собственно, обокрали доцента Бранникова, – уточнил я. – Да-да, того самого Бранникова, который чешет вас за ухом и допускает прочие вольности. А вы, бесстыдница, в ответ мурлыкаете и урчите!

– Урр! – не согласилась Белладонна, будто Бянус, этот лохастый веник, никогда не чесал ее за ушами. – Урр! Урр!

– Вот тебе и урр! А он, между прочим, клялся, что в Сеть коготка не покажет! Ни шерстинки, ни кончика хвостика, понимаешь? Какой поганец! – Я с грустью покачал головой. – Верь после этого людям! Верно сказано, киска: good fences make good neighbours!

[23]

Киска, хоть была не в ладах с языками, утвердительно мяукнула и с грозным видом распушила хвост трубой. – Ну и что же мы сделаем с этим Бранниковым? – риторически спросил я, снова опускаясь в кресло. – Выколем зенки его пентюху? Шнобель открутим? Дадим коленом по виндам? Или пасть порвем?

– Мрр-унн...

Белладонну мучили сомнения, и мне пришлось с ней согласиться. По двум причинам. Во-первых, компьютер ни в чем не виноват, и хоть он не живой, все-таки жалко делать ему лоботомию. Во-вторых, Бянус хоть и поганец, но друг, и харакири его компьютеру было бы чистой подлянкой, а к тому же еще и глупостью. Ну потру я ему диски или микроба запущу – так кого он призовет на помощь?... Правильно, своего дружбана Сергея Невлюдова, пи-эйч-ди во всякой хитрой технике... И будет все по пословице: за что боролись, на то напоролись.

Так что я решил заявиться утром к Сашке на кафедру без всяких звонков и предупреждений, взять его за глотку и чего-нибудь отвернуть – скажем, в том месте, откуда ноги растут. А сейчас нам с Доберманом предстояли следствие и розыск, и дело это откладывать не стоило. Хакеры в большинстве – как сороки-воровки: сопрут что-нибудь и начинают играть блестящей шгучкой, соображая, куда ее можно приткнуть и в чем ее польза и профит. В это самое мгновение и полагается нанести удар – а уж какой, это зависит от квалификации и милосердия ограбленного. Если взять мой бедламский вирус, то он стремителен и беспощаден, как тетрачума – пять микросекунд, и в памяти полный вакуум, а на экране надпись: бай-бай, притырок.

Впрочем, это не самое страшное, есть кары и жесточе, не для мозгов, для сердца. Не всякий компьютерный блок выносит быстрые переключения в пиковых режимах; например, если подать на материнскую плату^[24] высокочастотные импульсы, то микросхемы не успеют их обработать, возникнут экстратоки, и, как гласит термодинамика, случится небольшой Ташкент. То есть нагрев сверх допустимой нормы; затем кое-что расплавится, и вся компьютерная начинка прикажет долго жить. А цена ей – от трехсот до тысячи в твердом валютном исчислении! Так что врезать можно и по «мозгам», и по «железу», а при особой изощренности – по оператору-хакеру, ежели он в контактном шлеме или часто посматривает на экран. Есть такие программки, что выдают всякую пакость, которая глазом не видна, но фиксируется в подсознании... есть и другие, что раскачивают биоритмы, заставляя изображение мерцать и подрагивать... Но это уже беспредел, и мой Бедламчик такими

вещами не занимается.

Конечно, бывают очень предусмотрительные хакеры – те сразу отключаются от Сети, переписывают ворованное на съемный диск и не спешат с экспертизой. Но зачем красть, если не можешь попользоваться? Так что вор запускает программу, а потом, через день-другой, выходит в Сеть; тут ему и крышка, если розыск был проведен своевременно и по всем правилам.

Эти соображения меня, однако, не радовали. Если начистоту, я был угнетен и зол, и моя беседа с Белладонной отдавала не юмором, а черным сарказмом. Надо же, глядел я свои сказочки про уворованных блондинок и бесстрашных рейнджеров, наслаждался и никому не мешал, а тут реальность подносит сюрпризец: блондинку и впрямь украли!

Ну не блондинку, так самое ценное мое имущество, доверенное, кстати, другу! Корешу моему ненаглядному! Растяпе и паразиту! Блудливой гадюке! Отродью теночитланского козла! Чтоб ею распяли на теокалли и в бутылку закатали! Желательно с «Политехнической»! Напился, видать, алкоголик, и начал хвастать на кафедре, как ловко копает свое узелковое дерьмо... и какой лопатой копает, тоже, небось, доложил... А потом хлобыстнул пару стаканов, память совсем отшибло, крыша поехала – тут он в Сеть и вылез! А друзья-коллеги только того и ждали... Здесь своя лапа видна, своя, не чужая, не из Китая, не из Панамы и не из Нью-Васюков! Кому там надо шарить в скудном доцентском пентюхе? Да и кому из своих такое в голову взбредет? Кто полезет в пустую квартиру? А вот ежели там деньги спрятаны, и звон об этом слышен на всю ивановскую, и дурак хозяин дверей не запирает... Как тут лапу не протянуть? Загрешую, историческую? Ну доберусь я до этой лапки! Мало не покажется!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Пи-эйч-ди – PhD, степень доктора философии, которую присваивают в европейских и американских университетах. В России, где все не так, как у нормальных людей, эта степень считается эквивалентной кандидату наук. В нынешние тяжелые времена материальных преимуществ не дает и в основном используется для украшения визитных карточек (прим. Сергея Невлюдова)

Dad – дад, отец. Когда я учился в Штатах, отец слал мне письма по Е-мейлу через день и подписывался: dad. Для меня это было самое важное из всех английских слов (прим. Сергея Невлюдова).

«Three Shark» – «Три акулы», компьютер фирмы «US Robotics», потомок лаптопов и ноутбуков. Раньше меня удивляло, отчего ему присвоили название, подходящее больше для пиратского брига, но как-то я нашел дряхлый мамин зонтик «Три слона» и перестал удивляться. Тайна названий непостижима, и не стоит углубляться в этот вопрос, ибо, как говорят англичане, «too much curiosity lost Paradise» – слишком любопытных выгнали из рая (прим. Сергея Невлюдова).

«Amazing News» – «Поразительные новости». Я регулярно знакомлюсь с ними, так как испытываю нездоровый интерес к феноменам аномального порядка – телепатии, полтергейсту и НЛЮ. К сожалению, в последний год эту страницу стали засорять интимные подробности из жизни кинозвезд и фотомоделей. На мой взгляд, как бы они ни извращались в своих кроватях с водяными матрасами, такую информацию нельзя считать поразительной (прим. Сергея Невлюдова).

Как известно, трансвестизм – половой фетишизм, а копролагния – необоримое желание пачкаться в экскрементах. Поскольку речь шла о христианских либерал-реформаторах (черносотенцы и живодеры, партия ХЛР, а в просторечии – «холера»), я склонен считать, что говорилось все же о копролагнии (прим. Сергея Невлюдова).

Тем, кто не изучал в гимназии язык индейцев майя, напомню, что Кецалькоатль означает Перистый Змей (прим. Сергея Невлюдова).

Модем – это устройство, через которое компьютер связан с Глобальной Сетью. Если вы подключились к Сети через модем, то ваша машина стала одним из звеньев гигантской общепланетной системы, включающей сотни миллионов компьютеров, что трудятся в банках и научных лабораториях, в библиотеках и издательствах, на почтах, телефонных станциях и частных квартирах, в Пентагоне, ЦРУ и ФСБ. Вы можете получить любую открытую информацию – письма, книги, фильмы, электронные газеты и журналы. Если вы опытни и искусны, вы можете добраться до информации закрытой, сломав защитные пароли или подобрав коды доступа. Но любой другой искусник, какой-нибудь хакер с длинным хоботом, тоже способен залезть в вашу машину и поживиться чем-нибудь занимательным, если вы не приняли мер предосторожности. Я вот просто отключаюсь от Сети, когда работаю с Джеком (прим. Сергея Невлюдова).

Little pitchers have long ears – у маленьких кувшинчиков длинные ушки (прим. ред.).

Разумеется, я толковал не о том меню, что подают в ресторанах, и не о том окне, открыв которое можно оплывать прохожих. Меню в нашем программистском деле – это список команд, выполняемых программой, а окна – всевозможные рамки, что появляются на экране; в них могут быть выведены команды, результаты расчетов, а также инструкции и запросы к пользователю. Запрос означает, что программа в затруднении, и пользователь должен подсказать, куда ей двигаться дальше. Такой режим взаимодействия между человеком и компьютером называется интерактивным диалогом в реальном времени (прим. Сергея Невлюдова).

Hand-timer – ханд-таймер, наручные часы, сблокированные с мини-компом, электронной записной книжкой и пейджером. Лет пять назад, когда я еще трудился в Кембридже, такая штучка была непозволительной роскошью для ассистента профессора Диша, но наука, как и промышленность, не стоит на месте. Теперь японцы штампуют эти часики десятками миллионов (прим. Сергея Невлюдова)

May fair lady – моя прекрасная леди (прим. ред.).

Напомню, что с недавних времен компьютеры ранжируются по мощности на четыре класса, обозначенные латинскими числительными: квин-кве. секс, септем, окто (пять, шесть, семь, восемь). Пятая модель, квинтяк, заменила устаревший пентиум (или пентюх): шестая модель, сексот – профессиональный компьютер класса моего Тришки; что касается септяков и октяков, то это машины специального назначения и очень дорогие – каждая тянет от двадцати тысяч долларов до полумиллиона (прим. Сергея Невлюдова)

Full of courtesy, full of craft – много учтивости, много обмана (прим. ред.).

ОБОП – отдел по борьбе с организованной преступностью (прим. ред

Бянус, в силу своей начитанности, временами любит цитировать не только братьев Стругацких, но и других авторов – в данном случае Ефремова (прим. Сергея Невлюдова).

Стихи Анны Тепловой из книги «Души моей остров» (прим. автора).

Вилен – от Владимир Ильич Ленин; одно из имен коммунистической эпохи, коими счастливые родители чтили Великого Вождя пролетариата. Было распространено в среде российской интеллигенции, желавшей к оному пролетариату примазаться (прим. Сергея Невлюдова)

Сервер – мощный компьютер, постоянно включенный в Сеть и предназначенный для приема сообщений и пересылки их по нужным адресам. Играет роль своеобразного почтового отделения и станции связи, позволяющей общаться с любым абонентом письменно или визуально. Разумеется, для визуального контакта абонент должен иметь компьютер с высокоскоростным модемом, подключенным не к обычной телефонной линии, а к оптоволоконному каналу связи (прим. Сергея Невлюдова).

Life is not all beer and scittles – жизнь – это не только пиво и кегли (прим. ред.).

Ленты FR – Full Reality Movies, фильмы полного присутствия, транслируемые с помощью контактного модуля. У нас их называют по-разному – туфта, фуфло и фульрики; я предпочитаю последний термин (прим. Сергея Невлюдова).

Маска – прежде этот термин означал, что некий программный модуль «маскируется» – то есть должен отработать лишь при выполнении определенного условия; теперь Масками называют те обличья, порой гротескные и фантастические, в которых абоненты Сети являются друг другу в виртуальном пространстве. Разумеется, это всего лишь игра, занятие для неопитов, а не для серьезных людей. Поэтому я редко лазаю в Сеть в облике курчавого черного пуделя (прим. Сергея Невлюдова).

Horror – жанр ужасов. Пословица о том, что лучше ужасный конец, чем ужас, без конца, непопулярна в Штатах; там любят ужасы – но только по телевизору (прим. Сергея Невлюдова)

Good fences make good neighbours – чем выше заборы, тем лучше соседи (прим. ред.).

На материнской плате обычно смонтированы процессор и оперативная память, весьма дорогостоящие микросхемы (прим. Сергея Невлюдова).